

84/2-632.93/5

0-564
1284333

МУРАДИН ОЛЬМЕЗОВ

КАМНИ И ПТИЦЫ

Мурадин Ольмезов

•
Стихи

МУРАДИН

458

ОЛЬМЕЗОВ

КАМНИ И ПТИЦЫ

128 4333

Стихи

Перевод с балкарского

Нальчик
ООО «Печатный двор»
2014

Государственная
специальная библиотека КБР
им. Т. К. Малыхова»
г. Нальчик, ул. Ногмова, 42

84(2-632.93)-5

0-564

Поэзии Мурадина Ольмезова в большой степени присуще «умение удивлять». Он удивляет, прежде всего, свободой — как мировидения, так и формой выражения. Такая свобода не имеет ничего общего с разнузданностью и вседозволенностью, но зиждется на незамысловатом показе самых простых вещей с детской пристальностью.

Детскость поэтического мышления М. Ольмезова не только не имеет ничего общего с инфантильностью, но является как раз полной противоположностью последней. Если инфантильность подразумевает незрелость в мыслях и поступках, порывистость и опрометчивость суждений, то детскость, напротив, требует житейской мудрости, некоего особого дара, позволяющего увидеть окружающее свежим, не зашоренным взглядом.

«Дар поэта состоит в том, чтобы превращать обыденность в праздник», — таково творческое кредо Мурадина Ольмезова.

Георгий Яропольский

НА ВЕРШИНЕ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

(Горизонты Мурадина Ольмезова)

Насколько беднее, бледнее, обыденнее была бы моя жизнь, если бы я не познакомилась с удивительными верлибрами балкарского поэта Мурадина Ольмезова — одновременно короткими и глубокими, простыми и изысканными, свободными и гармоничными.

Каждый пишет, как известно, как он дышит. В этом смысле стихотворная техника верлибра предоставляет автору максимальную степень свободы, в то же время налагая на него максимальную ответственность. Об этом писал Борис Слуцкий: «Нерифмованный стих требует от поэта новых значительных мыслей и свежих чувств. Звоночки рифм иногда могут заглушить внутреннюю пустоту. В нерифмованном стихе формальных ухищрений меньше, и пустота обнаруживается скорее».

Давно стало общим местом утверждение «содержание само определяет для себя оптимальную форму выражения». Но как часто в стихотворных попытках самовыражения можно — увы! — встретить отнюдь не гармоничное взаимодействие, а беспощадную борьбу этих двух начал. А с верлибрами дело обстоит и совсем плохо: почему-то многие авторы считают, что любой поток сознания, неряшливо изложенный в стиле «чего моя левая нога пожелает», можно назвать стихотворением, написанным в свободной форме. Именно такие многочисленные «верлибры» виноваты в том, что данную технику часто считают чуждой русской поэтической традиции и даже ей противоречащей.

Но верлибры Мурадина Ольмезова, прочитанные мною по-русски, свободны отнюдь не от всяких ограничений, это не самодурное своеволие, а взгляд мудрого, внутренне свободного человека, обладающего безграничной фантазией ребёнка, ещё не знающего, что вечный двигатель изобрести невозможно. Их гармония основана на неожиданных и точных поэтических образах, на неповторимой авторской интонации.

Земное и небесное

*Ведь душа твоя, знаю, крылата,
а в глазах твоих — ответ небесный.*

Удивительно умение поэта видеть поэзию вокруг себя — в предметах и природных явлениях, в людях, в мёртвой и живой природе. Даже в таком, казалось бы, мелком и не очень любимом многими животном, как лягушка, он может разглядеть проявление чуда жизни:

Эта лужа
была бы стеклянной,
не найди в ней приют
лягушонок,
пучеглазый
и гордый собой.

Камень, дерево, река, огонь, ребёнок и старик, звёзды, брошенный дом, ручей, зеркало, дождь, — все они разговаривают с поэтом, раскрываются, рассказывают каждый свою историю. Оказывается, «Камень к дереву зависть питает, / потому что не может расти. / Ну а древо стать речкой хотелось б: / та течёт, сколько ж видит она! / А вот речка завидует ветру — тот летает по воле своей, / не стеснённый границами русла». Это стихотворение называется «Зависть». Вот такие маленькие шедевры буквально рассыпаны по страницам книги Ольмезова.

С одной стороны, видно, что поэт живёт в реальном мире, его волнуют все жизненные проявления, в том числе и социальные проблемы, но в каждом текущем мгновении он прозревает нечто вечное, доходит до глубинной сути любого явления и щедро делится своими прозрениями с читателем. В этом и заключается призвание настоящего поэта, миссия, с которой он приходит в наш мир: соединить, сопрячь его — видимый,

реальный — с миром потусторонним, горним. А ведь Вселенная наша после большого взрыва расширяется и, как недавно открыли ученые, расширяется с ускорением. В последнее время энергия разрыва как будто проникает из космоса в человеческие души и всё труднее становится преодолеть разобщение людей друг с другом и каждого со своим внутренним «Я» и с окружающим миром. Человеку, погрязшему в суеде выживания, обманутому яркими гламурными рекламными призывами, втянутому в бесконечную гонку потребления, становится всё труднее просто посмотреть на небо, оглянуться и увидеть, что идёт дождь или светит солнце, вспомнить, что есть вечные ценности в жизни и есть сама вечность — не пугающая бездна, но всеобщий исток, к которому всё возвращается.

Мурадин Ольмезов совершенно естественно и органично обитает одновременно в двух мирах — обыденном и высшем, сакральном и профанном, объединяя их в своём творчестве. Отгалкиваясь от нашей привычной, обыденной и/или ужасающей реальности, поэт неизбежно оказывается в реальности иной, как будто зная тайный канал, выныривает из конкретной точки времени и пространства в некий вневременной и внепространственный мир. Например, его автобиографичное стихотворение «Родители мои, как все балкарцы...» начинается с описания совершенно реального чудовищного исторического факта — депортации всех балкарцев (включая детей, стариков и безногих фронтовиков!) в Среднюю Азию и Казахстан в 1944 году. Для поэта, родившегося в изгнании, это, несомненно, событие огромной важности, личная глубокая душевная травма. Но он не скатывается ни в пафос гневных обличений, ни в жалобы на несправедливость судьбы и людей. Уже к третьей строфе повествование плавно и незаметно перетекает из плоскости реальных событий на более утончённый, метафизический план: «С тех самых пор меня передаёт / ночь дню, а день — опять вручает ночи...», — а завершается стихотворение

чудесным, полным надежды финалом, который я с удовольствием приведу полностью:

Вот так я и живу, как и родился, —
в неволе,

в заточенье,

под надзором.

Но все-таки лелею я надежду,

что где-то существует

вечный день

(а почему не может день быть вечным,

коль достоверна

сущность вечной ночи?)

и я туда

когда-нибудь проникну.

Объединяя в своем творчестве мир поту- и посюсторонний, Мурадин Ольмезов совершает невозможное — совмещает несовместимое. Его стихи, как линия горизонта, соединяют земное и небесное в недостижимом прекрасном далеке.

Поиски себя

*Я однажды
себя потерял.
Средь людей
я искал себя долго...
Но нашёл,
как ни странно,
среди птиц.*

Ту же самую — объединяющую — роль поэт играет в отношениях человека с природой. В наше время, казалось бы, даже дети знают, что человек является частью природы, и всё-таки большинство человечества продолжает считать себя царём природы, предпочитая жить в рамках антропоцентрической парадигмы (пока природа ему это позволяет). Великолепно выпадение поэта

из этого преобладающего предрассудка. Очеловечивая явления живой и неживой природы и, напротив, обнаруживая природное, стихийное начало в человеке, он строит отношения человека и природы даже не на равных, а на родственных началах.

В стихах Мурадина Ольмезова человек и природа отражаются друг в друге, как в зеркалах, поэтому так символично название его последней книги: «Зеркало к зеркалу».

Про то, что в мире поэта камень, река и ветер могут завидовать друг другу, я уже упоминала. А ещё у него зеркало может состариться и перестать смеяться «звонко, как когда-то», крыльцо — убежать от дома с протяжным криком, ветер — молчаливый и задумчивый — сидеть над обрывом, свесив ноги, дождь над городом — не смеяться, а плакать, а звёзды, окоченев от мороза, — стучаться к нему в окно.

Взаимопонимание поэта и природы настолько тесное, что безоговорочно веришь, когда Мурадин Ольмезов вопрошает: «А что, разве звёзды не люди, / не братья мои?», когда он жалует деревья, которым тяжело жить в городе: «Всю эту ночь / я выводил деревья / из города. / До самого утра», когда пишет о том, что снится птичьим гнёздам долгой холодной зимой: «Пока ждём, / чтоб весна наступила, / в птичьих гнездах / мечтанья их спят», когда разговаривает с цветком и родником:

Чья ты улыбка, цветок?
Кто тебя здесь обронил?
Девочка?
Птичка?

Песенка чья ты, родник?
Кто тебя здесь обронил?
Мальчик ли?
Дождик?

В этом коротком стихотворении единство человека и природы выражено, на мой взгляд, с красотой и точностью поэтической формулы.

Космогония

*Камень сам — время,
сжатое в точку*

В мире Мурадина Ольмезова природные предметы и явления рождаются не только с человеком, но и друг с другом. Они плавно перетекают одно в другое, вовлекая в круговорот взаимных перевоплощений и само время, создавая образ вечно живой, непрерывно меняющейся, пульсирующей Вселенной и подводя читателя к идее единства мира, которая кажется такой естественной и простой, когда уже стала твоей, но так трудна для постижения, если идти к ней логическим, научным путем, что на это уходят долгие годы жизни.

А ведь вместо многих философских трактатов можно прочитать несколько стихотворений, таких, как «Суровые снежные скалы...», «Как облако в дождь превратится...», «Камень птицей хотел бы родиться...», и получить эту истину в дар от поэта, причём не как чужое, сообщенное тебе на уроке знание, а как личную, выстраданную, выношенную мысль.

Преодоление

*...они ведут беседу по-балкарски,
я говорю на звёздном языке.*

Говоря о книге поэтических переводов, невозможно обойти вниманием личность переводчика-соавтора и даже сотворца представленных произведений. По большому счету, каждый поэт — переводчик. Он транслирует читателю внутреннюю жизнь природных явлений, а также, по словам Марины Кудиновой, переводит себя на общечеловеческий язык. Но и здесь, как в любом деле, есть переводчики и... переводчики. Сделать точный перевод способны многие, но передать особенности поэтической индивидуальности автора, пишущего на редком языке древнего горского народа, на котором сейчас в целом

мире говорят всего около 120 000 человек, донести до читателя все нюансы национального менталитета, — задача не из лёгких. В этом отношении нам повезло, потому что в Нальчике живет и работает замечательный русский поэт Георгий Яропольский. Человек европейской культуры и образованности, выросший на Северном Кавказе, учившийся в нальчикской школе, имеющий среди друзей представителей всех народов этого многонационального региона, поэт мощного лирического дара и одновременно философ и аналитик по складу ума, здесь он не мог не стать переводчиком в самом широком смысле этого слова.

Георгий Яропольский переводит многих балкарских и кабардинских поэтов, но, по-моему, его творческое сотрудничество с Мурадином Ольмезовым — случай особый, ибо здесь счастливо совпали какие-то глубинные вибрации, душевный строй. Личности автора и переводчика видятся мне равновеликими и чудесным образом дополняют и уравнивают друг друга, даря нам ту высокую радость узнавания и взаимопонимания, когда хочется сказать: «Мы с тобой одной крови — ты и я!» Они словно взобрались на вершину Вавилонской башни, преодолев древнее проклятие человеческого непонимания. Как хорошо, что они оба умеют говорить на звёздном языке! Может быть, этому способствует величественное зрелище двухголовой белоснежной громады Эльбруса, рядом с которым особенно отчётливо ощущается мелочная и преходящая природа человеческих распрей.

Как бы то ни было, стихи Мурадина Ольмезова, любовно выпестованные, свободные и прекрасные, доступны всем — читайте и наслаждайтесь.

Лужа у дороги
высыхает.
Девочка зачерпывает воду —
и её на травы выливает...
Так птенцов пускают
на свободу.

Лера Мурашова

ЧТО ТАМ?

Над нами
возвышаются деревья,
над теми
тут и там
порхают птицы,
над птицами
клубятся облака,
а выше облаков
сияют звёзды.

Но что, скажи,
за звёздами таится?
За пологом,
расшитым ими, –
что?

Предел ли жизни?
Пустота, и только?
Тьма без просвета –
или что похлеще?

Что там, скажи,
за звёздными очами,
за синими,

за белыми очами,
за красными,
за жёлтыми очами,
что так на нас
таинственно взирают
в ночь летнюю?

Кто может дать ответ?

Кто скажет,
что за звёздными очами?
За пологом,
расшитым ими, –
что?

Неужто тот,
кто в ярости срывает
их с неба,
чтоб на землю
их швырнуть?!

* * *

Как сердце ночи,
светится луна,
сжимаясь-разжимаясь
в месяц раз.

О, как же это медленно для нас!..

Вот почему
она так холодна.

* * *

1284333

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
мешая щедро радость материнства
и радуги цвета со звёздным светом,
но точки не поставишь.

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
смешать умея молнии стремленье
с великолепной музыкой цветочной
на солнечных полянах.

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
мешая грустной старости морщины
с ночью тьмой, глухой, немой, холодной, —
к чему нам эти краски?

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним...

ПОТЕРИ И ОБРЕТЕНИЯ

Я однажды
себя потерял.
Средь людей
я искал себя долго...

Но нашёл,
как ни странно,
среди птиц.

СКАЛОЛАЗ

– Ты, по скалам карабкаясь,
лезешь все выше,
безрассудный,
рисуешь ты в пропасть
сорваться,
но зачем?
Чтобы новой достигнуть вершины,
покорить новый склон,
до тех пор неприступный,
и за это
похлопать себя по плечу?..

– Нет.
По скалам карабкаясь, лезу все выше
и рискую в смертельную пропасть
сорваться,
я затем,
чтоб суметь
дотянуться до звёзд!

* * *

Дождь оставил
прозрачную лужу
с краем облака,
в ней отражённым,
рядом с веткою вишни
зелёной,
и на ней
задремал ветерок.

Эта лужа
была бы стеклянной,
не найди в ней приют
лягушонок,
пучеглазый
и гордый собой.

ГНЕВ

Взглянув в огонь,
я дерево увидел,
которое приют дарует птицам,
но осенью,
разгневавшись,
их гонит,
швыряя россыпь листьев
им вослед.

Взглянув на реку,
я вдруг дождь увидел,
который щедро насыщает землю,
измученную засухой,
но в гневе
дома несчастных
может напрочь
смыть.

Взглянув на камень,
я увидел искру.
Огонь ли в очаге она сумеет
разжечь, чтоб защитить
меня от стужи?
Или – спалит жилище,
впавши в гнев?

* * *

Сегодня мы
соседа-старика,
как семя,
в землю опустили.

ЗАВИСТЬ

Камень
к дереву зависть питает,
потому что
не может расти.

А оно бы
стать речкой хотело:
та течёт –
сколько ж видит она!

А вот речка
завидует ветру –
тот летает по воле своей,
не стеснённый
границами русла.

А в мире скал –
такая чистота!
Таким бесстрашьем веет
всё вокруг!
Его всю жизнь
влекла лишь высота,
таким он был,
ушедший в небо друг.

ДЕНЬ ЗВЕЗДЫ

Скоро,
 скоро
 дотянется
 Ушба
до висящей
 над нею звезды
(этот день
Днём Звезды зваться будет)
и вручит ей в подарок
не камень
драгоценный
из самого сердца,
но живой
 эдельвейс –
 от души.

ТРОПИНКА НА НЕБО

Такой мороз,
что звёзды коченеют.

Озябшие лучи ко мне стучатся
в окно, и я,
конечно, открываю.

Я говорю им:
«Милости прошу,
гостям издалека я рад,
входите,
скорее проходите к очагу».

Держу застолье
с ними до рассвета –
мы пьём вино
и говорим о разном:
они ведут беседу по-балкарски,
я говорю
на звёздном языке.

А на прощанье тайную тропинку
одна из них
на небо мне покажет

и пригласит захаживать
к ней в гости,
в чем я,
пожалуй,
ей не откажу.

СОН

Антонио Мачадо

За плечами, словно крылья, облака.
Мальчик по небу летает, плоть легка.
А проснувшись, он заплакал о Луне:
— Неужели это всё приснилось мне?

Вот уже он и не мальчик, а — джигит,
лунной ночью он любимой говорит
те слова, что слаще трели соловья:
— Уж не сон ли это, милая моя?

Пролетели годы ливнями в горах,
то в работе, то в сраженьях, то в пирах.
Снова губы шепчут в лунной тишине:
— Неужели это всё приснилось мне?

ЗЕРКАЛО

Зеркало состарилось и больше
не смеётся звонко,
как когда-то.

От него улыбки не дождёшься –
глаз бездонных родники иссякли
и мутны от скорби и печали.

Кожа, прежде гладкая,
в морщинах,
что твоя древесная кора.

Зеркало состарилось и дремлет,
дремлет дни и ночи напролёт.
А во сне, наверно,
видит детство,
юности орлиный видит взлёт.

Зеркало состарилось, и что же?
Зубы поредели, а на пряди
изморозью пала седина.
Почему же зеркало, бедняга,
не себя жалеет, а меня?

* * *

С рожденья
человек зависит от земли.
Но всё перевернулось в мире нашем,
земля отныне молит человека:
— Не погуби меня, не погуби!

Красавица знакомая все чаще
пугается у зеркала:
морщинки
в нём множатся,
как трещинки в стекле,
её туманя светоносный лик.

А дочь её подросшая всё чаще
у зеркала постаивает,
видя,
как лунным светом
груди набухают,
готовые подобьем белых роз
раскрыться.

Но вот бабушка и вовсе
пренебрегает зеркалом,
в котором
ведётся неотступно наблюденье
за всем,
что происходит у них в доме.

Она-то знает:
то – колдунья злая,

которая, заморозив однажды,
навек твоей душой завладевает,
а тело,
словно старую собаку,
безжалостно
прочь гонит со двора.

На ладонь ко мне
птица спустилась.
«Стань таким же, –
она попросила. –
Ведь душа твоя,
знаю, крылата,
а в глазах твоих –
отсвет небесный».
Отказался.
Крылатость мечтаний
не оспорил,
но вот утвержденье,
что глаза у меня голубые,
счёл насмешкой.

Она улетела.

«Знаешь, странно, –
сказала в тот вечер
мне любимая.
– Я замечаю,
что порою из глаз твоих карих
синий свет
излучается вдруг».

ВЕТЕР

Там, где струится свет,
лечь тень должна.
Для света смерти нет,
и тьма вечна.

Изнанка жизни – смерть,
а люльки – гроб.
Изнанка ласки – плеть,
циклопа – клоп.

Изнанка правды – бред,
сиянья – мрак...
Но вот у ветра нет
изнанки, так?

СВОБОДА

Войти бы в зеркало, как в сон,
найти бы день вчерашний.
Пускай секунд умолкнет звон,
пусть всходы станут пашней.

К себе, о детство, призови,
чтоб, одолев природу,
от ненависти и любви
я вновь обрёл свободу.

На берегу –
потаённое место...

Девочка,
платье короткое скинув,
в тёплую воду вбегает,
нагая.

Груди её
переполнены солнцем –
взор ослепляют они
зеркалами
мальчику, что,
обмирая в засаде,
смотрит на девочку,
заворожённый.

Не шелохнуться бы,
думает мальчик,
если спугну её –
будет как в сказке:
вмиг обратится она в голубицу...
И улетит,
опереньем блистая!

В крошечной тьме,
безбрежной тьме,
безмерной
иду на ощупь.

Руки так раскинул,
как будто бы ступаю по канату,
как будто обратятся
руки в крылья
в тот миг,
как из-под ног уйдёт земля.

Иду...
Хотя б одну звезду увидеть!
Иначе
растворюсь я в этой тьме.

И падал снег...

Мальш на снег смотрел
И радовался:
– Снег, как сахар, бел.

И напевал джигит,
Коня поя:
– Снег светел,
Как любимая моя!

– Снег сед, как я,
Как старый человек! –
Сказал седой старик.

И падал снег...

* * *

Бродя вдоль берега реки,
с древесным другом повстречался.
Вот радость!
«Здравствуй», – говорю.

(Я под его приветной сенью
читал стихи свои когда-то
красивой девушке.
Однако
отец её, как туча хмурый,
её увёз.
С тех пор – ни встречи.)

«Где пропадал, друг-стихотворец? –
спросило дерево и тут же,
ответных слов не дожидаясь,
добавило:

– А я похоже
на журавля!

Скажи, похоже?
Летать я даже научилось,
смотри!»

И с этими словами
примкнуло к стае журавлиной,
ветвями взмахивая шумно.

А через несколько мгновений
с небес листок упал мне в руки –
блестящий,
что перо Жар-птицы.

Теперь поводырём он служит
мне среди улиц незнакомых
большого города:
исправно
туда меня ведёт,
где тусклый
льёт свет печальное окно.

Лишь в будущем и настоящем
есть подлинность, а что прошло,
вслед за собою не утащим:
его пушинкой унесло.

Вот, кстати, что вчера-то было?
Не сгнуло ли всё во сне?
Под вечер, помню, подарила
цветочница улыбку мне.

Исчезла, что ли, вроде грёзы?
Перевернул почти весь дом –
и лишь тогда в бутоне розы
я отыскал её с трудом.

А что ещё? Да всё, пожалуй...
Бросаюсь я к календарю:
прощай, вчера, товар лежалый!
Себя дню новому дарю!

Но настоящее несётся
в прошедшее – не потому ль
ничем не скованный ход солнца
страшит нас, точно посвист пуль?

Не потому ль Сахара, сочных
растений некогда полна,
по прихоти часов песочных
теперь – песчаная страна?

Лишь в будущем и настоящем
есть подлинность, а что прошло,
то ветром времени гудящим
прочь паутинкою смело.

Но с нами ль нынешнее время,
когда (зови их, не зови)
скрываются его мгновенья –
встревоженные муравьи?

Лишь в будущем – исток восторга!
Всё остальное – грёзы, бред...
Цари же, будущее! (Только
того, что будет, тоже нет.)

Дождь проходит
торопливый –
и уносит часть меня.

С ветки лист летит
на землю –
и уносит часть меня.

Журавли вдали
курлычут –
и уносят часть меня.

Каждый времени отрезок
забирает часть меня;

ветер,
дерево ли,
птица –
всё уносит часть меня;

сны,
вы тоже по крупичам
разбираете меня...

Но пока – я буду падать
вместе с каждой
звездой!

И взмывать в нагое небо
вместе
с каждой птицей буду!

Да – покуда не растаю
как туман,
как сновиденье!

СЛОВА НА ВЕТЕР

Сколько слов я убил ни за что
за те годы,
что прожиты?
Улей?
Или десять?
А может, все сто?

Те слова, что сказал просто так, –
словно дождь
над бесплодной пустыней,
словно зёрна,
что всходов не дали.

«Я люблю тебя», –
в шутку сказал –
и три слова безвинно убиты.

«Не волнуйся, дружище,
улажу», –
так сказав, позабыл обещанье.

«Непременно приду,
дорогая!» –
и, опять же, не сдержано слово...

Те слова,
что сказал просто так, –
это осы,
что жала вонзают
не в других,
а в себя,
без пощады.
(Точно так,
в западню угодив,
убивают себя скорпионы.)

Под ногами
не листья шуршат –
это трупики
слов умерщвлённых.

Очень скоро костры запылят –
и развеется
прах их по ветру.

ОТМЩЕНИЕ

В огромном доме
с окнами в решётках,
с массивными
железными дверьми
всё стало пропадать:
столы
 и стулья,
ковры,
 картины,
золото
 и деньги...

И люди – тоже.

Ровно через месяц
дом опустел:
в нём больше ни вещицы
и ни души.

Ещё же через месяц
на месте дома
лишь одно трюмо
под моросью осенней
холодело,

подобное печальному
надгробью
в небытие
скатившемуся дню.

Когда бы не настенные часы,
что тикали
в бесплотном зазеркалье,
идя в другую сторону,
никто бы
не смог узнать,
что здесь произошло.

В один из дней
рассыпалось стекло
на мелкие осколки,
из которых
одна слезинка выкатилась.

То
была слеза
невинного ребёнка.

УМИРАЮЩИЙ ДОМ

Ревёт Баксан, и Андырчи-скала
взмывает к небу так же,
как бывало,
но, словно век, минута тяжела
для дома умирающего стала.

Здесь никаким подпоркам
не помочь,
вся крыша прохудилась,
набок свесясь,
с опаской сквозь сгустившуюся ночь
заглядывает в дом
печальный месяц.

Живёт хозяин в городе давно.
Как бельма,
паутина застит окна.
Здесь смех звучал, здесь пенилось вино –
но память о том времени
поблёлкла.

Весь двор порос крапивой,
лебедой,
и кажется, вот-вот, в волненье диком,

крыльцо,
такой пришиблено бедой,
от дома убежит с протяжным криком.

Тропа же,
что то радость, то печаль
к порогу приводила то и дело,
уже давно,
скуля,
уходит вдаль –
собакой,
что навек осиротела.

Не вернуть ушедшего навек...
Дом старый –
точно старый человек.

Как-то раз
ты явилась ко мне
из цветка,
только зеркала цепкое око
поступило со мною жестоко:
увело тебя прочь,
в свой хрустальный дворец,
где
хрустальные
плещут
фонтаны.

А однажды
пришла ты
из светлой волны,
но зеркальная гладь неуёмна –
увела тебя вновь вероломно
от меня в свой полон,
в свой хрустальный дворец,
где
хрустальные
плещут
фонтаны.

Ожидая тебя, я устал,
истомился смертельно.

Озираясь,
приметил я дерево на берегу:
вижу,
ветер, такой же усталый,
улёгся на ветви,
рядом птица присела,
тумана лохмотья повисли.

Голубыми, прозрачными,
пёрышка легче словами
на бумаге то дерево
бережно запечатлел:
ветерок растворил я
в лучах золотистого света
и, смешав его с собственной речью,
сумел воссоздать
я в тетради его целиком –
перенёс всё до ветки.

Ожидая тебя, я устал,
ну когда же ты вспомнишь...
Растворив птичьи трели
в зарницах на краешке неба,

подмешал синих слов –
и на дереве выросли листья.
Настоящее дерево машет ветвями с бумаги.

Ожидая тебя, я устал.
Нет мне жизни, родная!

А теперь нарисую дорогу,
дорогу разлуки –
та завистница злая тебя у меня забрала,
уведя за собою
в обманные дальние дали.

Наберу жёлтых слов
и с курлыканьем грустным смешаю
журавлей,
от родимой земли улетающих прочь.

Ожидая тебя, я устал.
Так убей же надежду!

Нет! Надежда умрёт –
и сгорит мое дерево тут же,
не дожив и до осени:
сердце его разорвётся.

Лучше слов наберу я крылатых,
с сиянием Божьим
их смешаю –
и трепетный тот ветерок нарисую,
что запутался в прядях твоих
и не хочет наружу.

Ожидая тебя,
я безмерно устал, дорогая.

Это не стихотворение...

А. Джанвиджай

Это вовсе не стихотворенье,
это
ясный твой взгляд – тот, который
лучезарною радостью полон,
крыльев бабочки пёстрой
касясь,
что присела на лёгком цветке.

Это вовсе не стихотворенье,
это
россыпь волос твоих тёплых,
что,
подобно июньскому ливню,
по открытым
струятся плечам.

Это вовсе не стихотворенье,
это
руки твои дорогие,
что,
подобно крылам журавлиным,

каждый вечер желанно ложатся
на упругие плечи мои.

Это вовсе не стихотворенье,
а гранатовых губ твоих
трепет,
что мне шепчут,
как листья лесные,
о твоей безграничной любви.

Это вовсе не стихотворенье.
Вовсе нет.

И луна запуталась в паутине
одинокого дерева,
разбившись на маленькие куски,
как выскользнувшее из рук
фарфоровое блюдце.

И ветер, покой потерявший,
шляется путником одиноким.
Вот и облако-бурдюк
зацепилось за скалу
и льёт чёрную смолу ночи,
окутывая мраком дороги,
плутающие в ночи.

Нет, ты не любишь меня.
Нет, ты не любишь.
Нет.

О печали своей рассказал я скале —
снег падал всю ночь напролёт, —
и скала прогремела сочувственно мне:
«Не печалься, и это пройдёт».

О печали своей рассказал я реке,
что яростно рвётся вперёд.
Проревела она на своем языке:
«Не печалься, и это пройдёт».

В трудный день я к тебе обратился, скорбя,
рассказал, что попал в переплёт.
Ты молчала, и я утешал сам себя:
«Не печалься, и это пройдёт».

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Перелётные птицы весну принесли,
я тебе смотрела вслед.
Снова лето настало, цветы расцвели,
а тебя всё нет и нет.

Вот и осень, плодами заполнился сад,
а тебя всё нет и нет.
Зимний ветер завыл: «Не придёт он назад», —
заметая последний след.

Снова вишни цветут, снова птицы поют,
я тебя всё жду и жду.
Где, мой милый, себе ты нашёл приют?
Не попал бы только в беду.

Я готова терпеть и в жару, и в дождь,
хоть и плачет все время мать.
Ну когда ты, милый, ко мне придёшь?
Приходи, я устала ждать.

Бесстыжей
белокожею княжною
купается в ночном пруду
Луна.

Застенчивую
девочкой-подростком
на берегу одна стоит берёзка
и прячет
набухающие почки,
как груди,
лунным светом налитые.

Шальным мальчишкой
ветер налетел,
и ветви у берёзки задрожали,
как будто испугались поцелуя
запретного.

Весны теперь
нам долго не дожждаться...
Сухими роща
плакала слезами.
Уже и осень
жёлто-красной птицей
снялась и вслед
летит за журавлями.
Льёт скучный дождь,
к забору жмётся ослик.
Погода, как река,
сменила русло...
Ты, словно заблудившись
в тихих мыслях,
примолкла и сидишь,
и смотришь грустно.
Любимая,
печалиться не будем,
а скучный дождик
за окошком мутным
не бесконечен...
Мы с тобой увидим:
он в снег весёлый
превратится утром!

Осенний дождь
мне пишет на окне,
что хоть сейчас
не голодают дети,
но много детских слёз
на белом свете.
Он хочет быть
последним на планете,
кто плачет этой ночью
в тишине.

Похожестъ явственней в разлуке,
не в слов лихве.
Закинув за голову руки,
лежу в траве.

Далёких звёзд родные зёрна
стесняют грудь,
а месяц путь вершит упорно
сквозь Млечный путь.

На расстояниях огромных
сравнить могу:
как в белом башлыке паломник
через пургу.

Кто без греха жить на земле
сможет?
Скрылась луна, сердце во мгле
тоже.

Снова обман. А ведь клялась
слёзно.
Не появляйся, лунная вязь...
Поздно.

ТЯЖКАЯ НОША

Взвесь
слезу сироты...

Есть ли ноша на свете,
что тяжче?

Эта капля солёная
неба огромней,
весомей земли.

НЕМАЯ ДЕВОЧКА

Во дворе,
где остывают тени
истомлённых
знойным днём деревьев,
девочка играет,
черноглаза,
девочка танцует,
черноброва.

Птицы, словно дождь,
на землю льются,
но её молчания не нарушат;
бабочка –
порхающая радость –
у неё
не вымолит словечка.

...Бедные трепещущие руки –
те, что перед зеркалом
впервые
девушку расцветшую
укроют,
девушку заплаканную
спрячут!

ЦВЕТЫ

По зелёной лужайке
девчонка бежит.
Её радостный смех разноцветен,
как букетик цветов
у неё в кулачке.

Майской улицей
девушка споро идёт,
и улыбка её
лучезарна,
словно розы,
что нежно
прижаты к груди.

Под неоновым светом
девица стоит,
сеть любовную снова сплетая
из неверных лучей
подгулявшей луны.

Приторочена роза
к холодной груди –
то, понятно, бумажная роза,

да, фальшивая роза,
как сердце её.

На асфальте
понуро старуха сидит,
ей в ладони стекают монеты –
это слёзы её,
что иссохли давно.

О цветах
речи нет и в помине.

Прозрачно утро.
Луг покрыт росой.
Застыв
на пламенеющей гвоздике,
спит бабочка.
Как бархат, её крылья.

Лишь тишину
я вижу пред собою.
Повсюду слышу
только тишину.

Суровые снежные скалы –
навек
застывшие волны
в недвижимом
кружеве пены...

Всё это –
прошедшее время.

Взлететь возжелавшее море,
как крылья,
воздевшее волны,
чья пена кружится,
мерцая, –
вот ты,
настоящее время.

А небо, где звёздные реки
со скоростью света
пронзают
ракеты,
ведомы мечтою,
мы будущим временем
значим.

* * *

Так тяжела
моя слеза
сегодня,
что до земли
она меня
согнула —
и на колени
я упал
без сил.

СЛЕЗА

Земля задрожала...
Утёс обвалился?!

Земля задрожала...
Обрушились скалы?!

Земля задрожала...
Не гром ли грохочет?!

Нет.
Просто
на землю
упала
слеза.

Весь мир засыпает...

Весь мир утопает во мраке,
и я со Вселенной
один на один остаюсь.

Один на один –
а быть может, один во Вселенной.

Гор белых – и тех
не видать среди крошечного мрака,
и гул водопада рокошущий
тоже исчез.

Один во Вселенной,
так стиснут я плотною тьмою,
так сжат темнотою,
что сам начинаю светиться!

А что, разве звёзды не люди,
не братья мои?

СВЯТОЙ

Шёл человек,
и тень за ним шагала.

Спешил он,
и бежала тень вослед.

Шёл долго человек,
и тень, шатаясь,
молила
подождать её немного.

Шёл человек без тени,
и все люди
кивали понимающе:
святой.

Измученная тень его,
в лохмотьях,
со сбитыми и стёртыми ногами,
решила
дождаться человека –
ведь должен он вернуться
в дом родной?

Но человек
не думал возвращаться,
и под лучами
яростного солнца
тьень умерла,
как раненая птица.

А люди полагали –
он святой.

Река, устав
всё течь да течь,
взлететь хотела б
в поднебесье,
махая крыльями-волнами.

А дерево, устав стоять,
хотело б
вырвать свои корни
и побежать,
помчать за ветром.

Уставший от молчанья
камень
хотел бы, хохоча,
плескаться
в воде,
как женщина нагая.

А я, устав от нищеты,
хотел бы
банк суметь ограбить,
чтоб жажду жизни
ощутить.

ВОЙНА

Доводилось
взглянуть в глаза птице,
у которой
обрезаны крылья?

Доводилось
бродячей собаке
посмотреть хоть однажды
в глаза?

А в глаза
не смотрели ребёнку,
от которого
мать отказалась?

Замолчите тогда!
Не твердите,
будто выигран бой
беспощадный –
тот, который
ведётся с собою, –
и что нет в этом мире
войны!

* * *

Камень птицей
хотел бы родиться
и спустя десять лет
умереть.

Камень деревом
стать бы хотел,
чтобы рухнуть
столетье спустя.

Камень с радостью
стал бы рекою,
через тысячу лет
пересохнуть.

Но ни птицей,
ни деревом
камню не бывать.
Не бывать и рекою.

Камень сам –
время, сжатое в точку.

* * *

В эту лунную ночь
не одни лишь лягушки в пруду
заливаются –
звёзды
сегодня им вторят усердно.

ВЕТВЬ НАД ОБРЫВОМ

Ветвь дерева,
над пропастью повиснув,
птенца
в ладони ласковой качает.
Простор пред ним распахнут,
весь как вызов,
а ветвь
его бесстрашью обучает –

сперва вот так,
раскачиваясь плавно
в лучах
едва проснувшегося солнца...

Коль всё живое
в мире равноправно,
птенец взлетит –
и в пропасть не сорвётся!

Свесив ноги,
сидит над обрывом
молчаливый,
задумчивый ветер.

Не колышут листвою
деревья,
облака в небесах
неподвижны,
и не плещутся
синие волны.
Не пылит,
как ни странно,
дорога.

Свесив ноги,
сидит над обрывом
ветер,
думая грустную думу:

«Вековые деревья
с корнями
вырываю,
но в этом ли прихоть? —

я хочу,
чтоб меня увидали.
Потому-то
вздымаю я волны,
окрыляя
бескрылое море.
Но меня-то
как раз и не видят –
видят
грозные пенные волны
да деревья,
что вырваны с корнем...»

Замер мир
в бесконечном стоп-кадре.
Шелохнуться не может
травинка.

Свесив ноги,
сидит над обрывом,
молчаливый, задумчивый
ветер.

* * *

Настенные часы,
как будто мыши,
над чёрствой коркой
трудятся усердно
моей бессонной ночи.

До утра.

Дождь снова над городом
льётся,
и люди опять убегают,
как будто от града картечи,
хоть знают:
дождевики ни разу
убить никого не пытались.

Дождь снова над городом
льётся,
и люди бегут, как от роя
пчелиного,
зная при этом,
что ни одного человека
дождевики
ужалить не смели.

Дождь снова над городом
льётся –
до нитки промокли деревья,
бурчат недовольно машины.

Дождь снова над городом
льётся...

Постойте, бежать не спешите!
Ведь это его обижает.

Ну разве так трудно
заметить,
что он не смеётся,
а плачет?

ДЕРЕВО НАД КРУЧЕЙ

Над кручей дерево стоит.
Свисают вниз нагие корни.
Под ним – река, над ним – гранит...
А ветер злобный всё хрипит,
да так, что, верно, саднит в горле!

Есть много крон куда пышней...
Но между смертью неминучей
и жизнью краткой мне видней –
как между жерновами дней –
вот это дерево над кручей!

Как грецкий орех,
эту долгую ночь расколол я,
и тьма,
 как смола,
потекла из неё,
убывая,
как реки стекают с вершин,
чѣ молчание вечно.

Как озеро, тьма,
начиная со звѣзд,
опускалась,
как будто бы шлюзы
открылись внезапно.
По мере
еѣ убыванья
и Эльбрус,
 и Ушба,
 и Шхельда
вошли в наше зренье,
как будто бы
в нём проявились.
А тьма всё стекала

Время
дни превращает в муку.
Наша жизнь,
как вода, убывает –
драгоценная влага
во фляжке
у того,
кто блуждает в пустыне.

Время
дни превращает в муку,
а мука
исчезает бесследно...

Где она,
жизнь ушедших навеки?
Перемолота!
Снег на дорогах...

УТРО В ГОРАХ

Сегодня сверху
мне судьба дала
взирать на солнце,
на полёт орла.

Ты спрашиваешь,
что же я обрёл?

Узнал, что к людям
чувствует орёл
(больших различий,
выяснилось, нет),
узнал, зачем нам
солнце дарит свет.

ВСТРЕЧА

Это кто здесь
так радости полон?

Родничок мой любимый,
так, значит,
ты меня не забыл?

Вот и я
вспоминал тебя
все эти годы!

* * *

Пока ждём,
чтоб весна наступила,
в птичьих гнёздах
мечтанья их спят.

Всю эту ночь
я выводил деревья
из города.

Они совсем оглохли
от рёва,
но не псов цепных –
моторов,
рычащих на прохожих
озверело;
а лампы галогенные,
пылая,
вконец их ослепили,
бедолаг.

Всю эту ночь
я выводил деревья
из города.
Они давно скучают
по птичьим гнёздам
и по трелям птичьим,
по хлётким ливням
да шальным ветрам.

Я выводил
из города деревья,
а там они
уже шагали сами,
собратьев
не рискуя дожидаться, —
уж больно
они, бедные, боялись,
что их настигнут,
выследят,
вернут.

Всю эту ночь
я выводил деревья
из города.

До самого утра.

ВЕРНИТЕ!

У неба
отняли птицу,
и грусть
овладела небом.

У неба
отняли тучку,
и небо
полно печали.

У неба
звезду отняли,
и слёзы
роняет небо.

Верните звезду,
верните!
Иначе
лишат и солнца.

Верните звезду
на небо!
Верните звезду!
Верните!

ТИШИНА

1

Тишина – это облако.
Тишина – это снег.
И звезда – тишина.
И луна – тишина.
Тишина – это ночь.
Тишина – это дождь.
И роса – тишина.
И слеза – тишина.

Я не знал, что слеза...

И – слеза.

2

Тишина –
одинокчества омут,
дна которому нет
и не будет.

Тишина –
это мать, что напрасно

сына ждёт
и не видит просвета.

Тишина –
это наши надежды,
те, которым
веки не сбыться.

Но ладонь твоя,
что засыпает
меж моих
осторожных ладоней, –
тишина.

Тишины!
С тишиною...

* * *

Нарушили строгий завет
Эльбруса мы, с детства родного,
и вот уже множество лет
он нам не промолвит ни слова.

ВЕЧЕР

Роса упала на цветы.

Роса упала на траву.

Деревья вымокли в росе.

Роса собой
покрыла камень.

И камень стал нежней цветка,
и камень мягче стал травы,
деревьев камень стал добрей.

Роса цветы
собой покрыла.

разинув
 беззубые
 пасти

грозных впадин
меж волнами,
выросшими до небес.

Не идёт,
 не течёт,
не летит,
 не ползёт
это время –
лишь мы сами несёмся
по волнам
безбрежного моря,
что зовётся так вкрадчиво:
время, –
несёмся, пока
не настигнет челнок наш
беззубая
жадная пасть.

ДИАЛОГ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

– Если одиночество доймёт,
то доверюсь лунному лучу.
Думаю, что он меня поймёт:
я на нём к хозяйке долечу.

– Ну а мне вот кажется: не мёд
петь её холодную красу...
Если одиночество доймёт,
лучше ветер в гости приглашу.

Я – сеятель! Взошедшая луна –
лукошко, что полно заветных звёзд...
Их на сердца посею вам сполна
я вечером – пойдут сейчас же в рост!

Я – сеятель. Племян спрошу я рать:
зачем на свет явился оратай?
...Чтоб поутру любой бы мог собрать
доселе небывалый урожай!

Когда я мальчуганом был,
и время было мальчуганом.
Азарт делили мы и пыл,
носясь по солнечным полянам.

Мы, несмышлёныши, вдвоём
играли в прятки, в догонялки;
живя одним текущим днём,
вступали часто в перепалки.

Поныне в памяти моей,
как яблоки мы воровали
и палкой убивали змей,
и – даже! – гнёзда разоряли...

Когда же молодость пришла,
пришло и молодое время.
Сменили мы свои дела,
сердца себе надеждой грея.

Учились мы (пусть «как-нибудь»,
по выражению поэта),
и грёзы горячили грудь –
про что? Естественно, про это!

«Теперь вы седы!» – все подряд
нам зеркала с кривой усмешкой,
как ни посмотрим в них, твердят.
Да: распростились мы со спешкой.

Трезвее стали и мудрей
(хоть это – рядом с суесловьем).
Неукротимым бегом дней
ряд изменений обусловлен.

На возраст нечего пенять.
Мы знаем: всё на свете бrenно.
Но вот хотелось бы понять:
кто – человек здесь? кто здесь – время?

Снежинка,
на землю упав,
в цветок превращается
позже.

Дождинка,
что пала на землю,
становится
свежей травинкой.

Звезда же,
на землю слетев,
восходит
сверкающим солнцем.

Словами можно отодвинуть мрак,
мгновенно одолеть любые дали,
но те, что обронил ты просто так,
подобны зёрнам, что ростков не дали.

На них как будто пролит травобой –
во веки им не сделаться кустами,
не вытянуться свежую травой,
не вспыхнуть благодарными цветами.

Как однодневки-бабочки, они
под вечер машут крылышками еле,
пока не сгинут в сумрачной тени,
оставшись без задачи и без цели.

Слова же те, в которых пышет гнев,
которым промах отроду не ведом,
впиваются в сердца, осатанев,
ехидствуя и злобствуя при этом.

Где падают они на землю, там
колючек зверских тотчас зреет завязь,
босые ножки рая ветеркам,
в крыла рассвета яростно вонзаясь.

Как давно
стрекозы я не видел,
неподвижно
зависшей
над прудом!

Как давно
не видал я улитки,
что скользит по травинке,
похожа
на верблюда
в бескрайней пустыне...

Если б звёзды
о летнюю пору
перестали
на головы падать,
мы б их тоже,
наверно, забыли.

Чья ты улыбка, цветок?
Кто тебя здесь обронил?
Девочка?
Птичка?

Песенка чья ты, родник?
Кто тебя здесь обронил?
Мальчик ли?
Дождик?

Ветерок, себе свивший гнездо
среди терновых кустов,
каждый вечер
возвращается,
мягко ступая,
словно дикая кошка, домой.

Узнаю, что он снова вернулся,
когда в зыбких,
как сон, паутинках
лунный свет начинает дробиться,
расщепляться,
искриться, дрожать.

* * *

Лужа у дороги высыхает.

Девочка
зачерпывает воду –
и её на травы выливает...

Так птенцов пускают
на свободу.

Тень, словно чёрный пёс,
идёт то сбоку,
то спереди,
а то плетётся сзади.

А в полдень съёживается она,
становится
невзрачной собачонкой,
скулит и прижимается к ногам.

Она чего-то, видимо,
боится,
но как понять
доподлинно – чего?

БАБОЧКА

В этом городе,
между домов из стекла и железобетона,
растущих прямо на глазах,
с ветвей дерева –
точней, воспоминания о дереве,
поскольку даже имя его забыто, –
слетела бабочка.

Как конфетти, подхваченное ветром,
она трепетала над кишашей машинами улицей,
не боясь угодить в железную паутину,
и крылья её казались улыбками.

И в это мгновение,
когда она ворвалась в железобетонный город,
город-часы с людьми-шестерёнками,
заполненный лающими и скулящими автомобилями, –
в это мгновение люди подняли головы
и ответили ей улыбками –
светлыми,
как на рисунке ребёнка.

И даже те, кто, казалось, забыл навсегда,
что, кроме земли, есть облака и звёзды –

даже они вскинули головы к небу,
и сердца их в тот миг
были распахнуты настежь.

«Смотрите, смотрите!»

«Вон там!»

«Вы только взгляните»

«Живая бабочка!»

«Разве это не чудо?»

«Ба-боч-ка!» – так, застыв в изумлении,
целый город смотрел на неё глазами счастливых людей,
и в каждом взгляде плескалась бездонная радость.

«Ой, бабочка! – обрадовалась молодая женщина
и указала сыну, – смотри скорее!»

А тот, державший в руках пульт управления,
хотел поиграть с ней,

но разве свободную бабочку
можно поймать в сети радиоволн?

«Она не слушается, – сказал огорчённо мальчик. –
Наверное, пульт сломался».

Что значат неон и реклама?

Что значат склады с оружием?

Летит над городом бабочка –
как будто улыбка дочери.

Лей, дождь,
лей.
Я – дерево,
так смой мою тень.

Дуй, ветер,
дуй.
Я – дерево,
так дай мне крылья.

Свети, солнце,
свети.
Я – дерево,
так пусть моё гнездо
оживёт.

ВЕСЁЛЫЙ ДОЖДЬ

Зашуршало всё вокруг:
раз, два, три, четыре, пять...
Это дождь задумал луг
по травинкам сосчитать.

Я встречаю рассвет на лугу –
луг сверкает, росой облит.
Тонким деревцем на берегу
моё детство беспечно стоит.

И зовёт меня в мир, что широк,
за собой молодой ветерок.

И когда я в полуденный зной,
одолев не один перевал,
любовался высокой сосной –
свою молодость в ней узнавал.

Пусть крадутся бураны с бичом –
ей, могучей, они нипочём.

Но – в вечерней уже синеве –
мне привиделся сквозь полумрак
дуб в короне засохших ветвей –
понял я: это старости знак.

Над обрывом он еле стоял...
Почему ж меня страх обуял?

Поздняя осень.
Морось.
Туман.
Пустынная улица.
Голое дерево.
Гнездо – как сердце.
Вернутся птицы –
Оживёт оно.

КАМЕНОЛОМНЯ

А. Бегиеву

Без устали гремит каменоломня,
толчѐт, крошит и, жалости не помня,
дробит большие камни на осколки,
а мелочь – та проскальзывает в щѐлки.

Вот так и жизни мельница нас вертит –
меня, тебя – с рожденья и до смерти.
Сердца большие – в клочья разрывает,
а мелочѐвка – в щѐлки ускользает.

Закрыв ненадолго солнечный лик,
туча – тёмная, грузная –
рева порой, как разгневанный бык,
вдаль улетает – в Грузию.

И небо промыл до голубизны
дождик – первый и радостный,
и над аулом – примета весны –
парит жар-птицею радуга,

и солнце, расправив у тучи край,
весело мечет лучи,
горячее, круглое, как каравай,
вынутый из печи!

На пути, что не окинешь взглядом,
параллельно тянутся следы:
радости скакун летит, а рядом –
дикий и свирепый конь беды.

Жизнь, не потому ль твои рассветы
облетают, как осенний лес?
Но не может стать причиной это,
чтоб к тебе утратить интерес.

Не ущербен – месяц на ущербе,
и затмение – солнца не страшит.
Срежь верхушку тополю иль вербе –
это горе их не иссушит.

И когда печально и устало
угасает дня последний луч,
небеса укроет одеяло
тёплых-тёплых и лохматых туч,

озеро при этом не качает
колыбель новорожденных звёзд –
но от горя же – не застывает!
Не исходит – от горячих слёз!

Пишу стихи.
А из гнезда
на землю выпал
птенчик-крошка.
И тут же
из-под дров туда
стремительно
метнулась кошка.

Над этим местом воробьи
летают,
как комочки крика.

Я разорвал стихи свои!

Что больше мог я?..

ХАТЫНЬ

Когда я вижу играющих детей,
невольно замедляю шаг.
А ночью в мои сны
из голубой дымки
верхом на палочке-лошадке
врывается детство моё...

Хатынь,
а дети твои – пепел.

Когда я вижу старого мастера,
я слежу за ним заворожённо.
А ночью он,
постукивая посохом,
входит в мой сон,
став почтенной белой старостью,
ждушей меня...

Хатынь,
а старики твои – головни.

Когда я вижу, как по улице,
хромая,
проходит на протезах

седой ветеран,
я невольно думаю
о сорок первом,
тревожась:
как бы этот год не повторился...

(Разве мало сегодня безумцев,
готовых выхватить
пылающий уголь смерти
из очага войны?!)

А ночью, Хатынь,
мне снится твой скорбный памятник,
он – как горе само.
И вот уже кажется: я – старик
и держу на руках
своё мёртвое детство.

Хатынь!
Твои трубы – пустые рукава,
они зывают ко всем.

В звуке твоих колоколов,
в их плаче
я слышу:
«Хатынь – боль!»,
«Хатынь – стон!»,
«Хатынь – скорбь земли!».

ЖАЛОБА ВЕТРА

Скажите, в чём моя вина?
Зерно в былые времена
я веял, жернова крутил –
по мере сил, по мере сил.
Считал работою своей
толкать громады кораблей...
Скажите, в чём моя вина?

Пришли иные времена,
порядок жизни изменя:
пшеницу веют без меня,
десятки тысяч кораблей
плывут без помощи моей,
а жернова вращает ток.
Я отстранён, и вот итог:
теперь бездельником слыву,
ласкаю листья и траву.
Я эту чашу пью до дна.
Скажите, в чём моя вина?

Пришла печальная пора.
Но как жужжанье комара
над ухом дремлющей коровы,
так – укоризненное слово

над ухом дремлющей судьбы.
Наверно, доводы слабы...
Труднее безработным быть,
чем девять гор переходить!

Неукротим мой буйный нрав!
Не примириться мне с судьбою:
от безработицы устав,
порой голодным волком вою –
и враз наброситься готов
на всех, на всё, что только встречу.
Наброшусь – наломаю дров...
Промчусь – и даже не замечу...

Когда, над крышею летя,
бужу я спящее дитя –
простите!
В душе моей порою – ад.
Скажите, в чём я виноват?
Скажите...

Дивись –
 цветку,
утёсу,
 пчёлке,
 птахе...

Увидь,
на берег выйдя:
там и тут
речные камни,
словно черепахи,
вверх по реке
старательно ползут.

Я описал, как солнце всходит рано,
залив сияньем небо голубое.
Но кто-то, у кого болела рана,
вздыхнул при этом, вспомнив поле боя.

Я слышу на поляне, полной света,
ребёнка голос – свежий, как подснежник.
Но где-то в мире кровью непоседы
такого же окрасился валежник...

Вот кто-то ранен – пулею задело.
Что за беда? Ведь он не здесь, не рядом!
Вот чей-то дом разрушило снарядом...
Не мой огонь погас – мне что за дело?!

Погиб малыш... Да, жаль его, не спорю –
Но так абстрактно... Я его не знаю.
У матери черно в глазах от горя...
А я при чём? Моя-то хата с краю!

Неправда! С каждой матерью скорблю,
и жалко мне чужой пролитой крови.
И вместе горе горькое делю
с оставшимися без угла, без крова.

Не потушить войны пожара мне,
не воскресить погибших в страшной битве.
Не спится. В предрассветной тишине
застыла мать на утренней молитве.

ПЕСНЯ ДЕТСТВА

Тёплый дождь свою игру
начал с самого рассвета
и рассыпал по двору
лужи – звонкие монеты.

Старый тополь мок вдали,
наполняя грустью мысли.
С нашей крыши до земли
струйки тонкие повисли.

Терпеливая моя
мать расставила посуду...
И сидел, и слушал я,
как стучит капель по блюду.

* * *

Рассыпав звёзды молодые,
угасло солнце. Тишина.
Вот, свесив волосы седые,
из тучи глянула луна.

Вот ночь, подобно чёрной птице,
садиться, размахнув крыла.
– Всё утоплю во тьме! – грозитя.
Окрестность мраком обняла.

И путника ночные тени,
обманы, призраки, виденья
с дороги увлекают прочь...

Но к склону рыжему устало
щекою влажною припала,
смежила веки, дремлет ночь...

Её туманно покрывало.

* * *

Зной дышит в ущелье, где воздух, как порох,
где, кажется, спичку зажги – и рванёт!
Но гром прокатился в небесных просторах,
и жажду земли утолил небосвод.

Чтоб высказать всё, что скопилось веками,
с высот, от родной оторвавшись скалы,
скатился в теснину глубокую камень,
и долготу эху внимали орлы.

Поэт, ты к признанью спешил издалече,
загнал, как коней, столько дней и ночей.
Как небо в грозу – обрети же дар речи,
как камень, не знавший о мощи своей!

Как мальчик, летний дождь скакал
вприпрыжку по дорогам,
спустившись из-за снежных скал,
скатившись по отрогам.

Тогда, я помню, у меня
был шустрый серый ослик.
Я проискал его полдня,
попал под дождь... А после...

Я весь до ниточки промок,
пока пришёл в деревню.
А где бы я укрыться мог –
ведь нет в степи деревьев!..

Вновь дождь идёт, похож на тот,
и никуда не деться –
малыш за осликом идёт,
как я когда-то в детстве.

* * *

Когда украдкой, словно воры,
придут враги в родные горы,
ты будешь биться честно до конца,
чтоб не узнать проклятие отца.

СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Как утро превратится в полдень,
так следом наступает вечер,
его накроет тьма ночная,
и снова — утренний рассвет.

Весною вызревает лето,
а лето переходит в осень.
Зимой любая осень станет,
потом опять весна придёт.

А человек из детства в юность,
а после в зрелость вырастает.
Затем его настигнет старость,
чтоб он опять вернулся в детство.

* * *

Однажды вечером
моё детство,
оседлав прутик-лошадку,
умчалось
по казахской степи
вслед заходящему солнцу.

Я до сих пор
иногда выхожу его встречать.

Даже теперь,
когда соль годов
посеребрила мне голову,
я иду навстречу
весеннему солнцу,
с надеждой вглядываясь вдаль.

Но вижу только,
как мальчик,
похожий на моего сына,
гоняет по небу солнце,
похожее на мяч,
потерянный мною в детстве.

ПРОХЛАДНЫЙ ВЕЧЕР

Небо над горами
прояснилось,
дождь его отмыл от облаков.
Золотой улиткой уползло
солнце,
все лучи забрав с собою.
Наступает время
для чудес.
Ночь волшебной палочкой
взмахнула —
и с хрустальным звоном
появились
звёздные на небе родники.

Ты грустишь, что детство не вернётся,
а оно, смотри-ка, во всю прыть
скачет там, за речкой, и смеётся,
предлагая речку переплыть.

Ты грустишь, что молодость уходит,
но, встречаешь девушку когда,
разве в жилах кровь не колобродит,
несмотря на опыт и года?

Радуйся, мой друг, что, может статься,
удостоимся и мы седин.
Только тот, кто дотянул до старца,
собственным желаньям господин.

1

Скопилась утром
в паутине капля —
размером
с виноградину она.
Щетинистый паук,
в неё уставясь,
как будто горько плачет
о потере,
не спрашивайте только:
о какой?

2

Щетинистый паук на паутине,
на паутине —
капля росяная,
на паутине —
яркий солнца луч...

Но цепкие безжалостные нити
и бабочку-летунью оплели.

Щетинистый паук
на паутине,
на паутине —
капля росяная,
а из росинки смотрит ветерок
с прозрачными
бесшумными крылами —
он вылупится из неё вот-вот,
как из яйца —
взъерошенный птенец.

Свет погасив,
обращайся хоть в ясень,
в птицу на ветке,
в трель этой птицы.

Я – ветерок.
А вчера был травинкой.

Свет погаси...

* * *

Осеннее утро.

Травинка согнулась
под тяжестью капли
созревшей.

Жизнь и смерть –
это сёстры-двойняшки.

Нет костлявой старухи с косой,
есть двойняшка,
что впивается в горло клыками.

Умирают вдвоём:
жизнь – от кровопотери,
смерть – когда захлебнётся.

Только тот,
кто и жизнь уважает, и смерть,
проживает достойно.

* * *

Ветер меня забывает
и роща.
Камень меня забывает
и вьюга.
Птицы меня забывают
и скалы.
Небо и то
забывает меня...

Забить меня не может
только время,
что с каждым днём
настойчивей взимает
с процентами
ту горсточку
мгновений,
что мне ссудило некогда –
в тот миг,
когда попал я в этот мир
невольно.

* * *

Я огонь расслоил
на две части –
на тепло и на свет.

Свет отдал я тебе
без остатка,
а себе взял тепло.

Светишь ты с той поры,
но не греешь,
я – тепло в темноте.

Хоть и знаем:
лишь вместе возможно
обустроить весну.

* * *

Деревья вспыхнули,
погасли,
но вскоре загорятся вновь.

Сверкнула молния,
исчезла,
но ей дано сверкнуть опять,

Звезда,
сорвавшаяся с неба,
однажды путь свой повторит.

А если этому не веришь,
в своё же сердце загляни.

* * *

Ото всего чего-нибудь хотим!

Хотим росы
от утренней травы,
величественной вечности –
от камня,
от солнца ожидаем доброты,
от звёзд –
небесной музыки высокой,
а запаха фиалок –
от дождя.

...взамен мы ничего не предлагаем!

Траве –
старанье требуется наше,
а камню – сердце,
солнце ждёт прохлады,
улыбки – дождь,
доверия – звезда.

Всегда ото всего хотим чего-то,
взамен не отдавая
ни-че-го.

* * *

Родник птенцом орлиным
бьёт крылами,
как будто и ему пришла пора
с горы родимой
в небо улетать.

* * *

Опустилась бабочка
на камень,
бывший твёрже,
чем веков молчанье, —
и шершавый
старый камень ожил.

Ветерок,
заметив это чудо,
оторвался
от игры с листвою
и притих,
застыл заворожённо.

Бабочка, вспорхнувши,
угодила
в паутину лёгкую,
чьи нити
обернулись путами
и пыткой.

И вздохнул в бессилье
ветерок.

ОТРАЖЕНИЕ

На берегу реки
в солнечный летний день,
сев на большой валун,
звонко щебечет дрозд:
горести нет на земле.

На берегу реки
в летнюю лунную ночь,
сев на трухлявый пенек,
жутко вопит сова:
радости нет на земле.

* * *

Весною
ночь звёздами пахнет.

Лежит она,
 вся разметавшись,
и снится ей
ласковый ветер –
глаза у него голубые, –
который,
 как фокусник,
быстро
и с лёгкостью освобождают
её от всего,
чем укрыта
её драгоценная сущность, –
стыдливости,
 скромности,
платья...

Сияют горячие груди
сквозь длинные
 темные пряди.

И дождь,
удивительно тёплый

и лунному свету подобный,
ей плечи и сонные руки,
и бёдра,
и грудь,
что трепещет,
сияя
сквозь темные пряди,
касаясь
нежными гладит.

А ветер, охальник и ухарь,
целует ей плечи
и груди,
и губы,
что чуть приоткрыты,
и в лоно её проникает...

Лежит она,
вся разметавшись,
убитая страстью нездешней
и радуясь
собственной смерти.

Ночь звёздами пахнет
весною.

Она стоит
и молча смотрит
на горизонт,
где море с небом
слились в объятье осторожном.

Ей дела нет до волн, до солнца,
до ветерка,
что в прядях бился,
а ныне выбрался отсюда
и меж грудей гнездо свивает,
которые и сами гнёзда
для грёз любовных
и томленья.

Она стоит и молча смотрит
на горизонт,
где непременно
щёлк парусов возникнет алых.

Я знаю –
скоро он возникнет.

Я обидел тебя.

Я, наверно,
был с тобою немыслимо грубым,
потому что слова,
словно птицы,
с уст моих улетели...
Куда?

Вот обида прошла.
Ты, как прежде,
весела и красива,
подобно
после бури пронёсшейся –
солнцу,
после лютых морозов –
весне.

Не могу я сказать:
«Моя радость!
До чего ты
сегодня прекрасна!»

Не могу
рассказать тебе сказку,

сочинённую мной для того
малыша,
что ещё не родился,
для того,
кто бессчётные годы
нас с тобой
так настойчиво ищет,
чтобы в мир наш
однажды прийти.

Не могу я
промолвить отныне
ни полслова,
ни четверти даже –
все слова,
как осенние птицы,
улетели незнамо куда.

А любимая не понимает,
да и как ей понять,
моей милой,
почему я гляжу
так печально,
почему постоянно
молчу.

Я могу теперь
только кивками
изъясняться –
да жестами разве.

А слова мои,
все разнопёры,
порасселись на ветках деревьев –

тех, чьи листья
давно улетели, —
и в окно моё
нагло галдят:

Улететь им?
А может, вернуться?
Возвратиться ко мне?
Улететь?

СВОЯ РАБОТА

У ветра тоже есть своя работа:
не оттого,
что нечем поразвлечься,
он поднимает пыль, взвивает стяги,
гладь моря мнёт,
столетние деревья
куражливый напором валит в травы,
да и меня таскает за вихры.

Своя работа есть и у дождя:
не от безделья он идёт — бежит! —
и поит землю,
а порой смывает
поля со склонов или же дома...
сейчас он что-то
шепчет мне в окно.

У муравья своя работа тоже:
не от безделья бегают и он,
снует повсюду
с грузом неподъёмным,
сил не жалея и не опасаясь
ни ног людских,

ни топота копыт,
меня своим упорством удивляя.

Своя работа есть и у меня:
ведь это я пасу ветров отары,
гоняю табуны дождей
на воле
и муравьям трублю побудку утром.

Чем была раньше звезда?

Колос был раньше зерном,
птица яйцом началась,
с ямы колодец пошёл.

Чем были раньше:
звезда,
шум неумолчной реки,
ветра скользящая тень?

Звёзды сгустились из грёз:
их никогда не достичь.
Музыкой был шум реки:
век от него не устать.
Тайной тень ветра была:
не разгадать её нам.

Если же правда, что ждёт
каждого в небе звезда
(как достоверно, что всех
камень свой ждёт на земле),
всякий когда-нибудь к ней
в миг необъятный придёт.

НЕВОЗМОЖНОЕ

Ветер за гриву поймать
и оседлать его —
можно,
тень отодрать от стены,
словно обои,
к примеру,
шум отобрать у реки,
вырвать язык у огня,
время обратно пустить —
всё это
проще простого,
но твои слёзы забыть
сил человеческих свыше.

ДРОВОСЕК

Дереву бояться надоело —
вырвало из почвы свои корни,
стало превращаться
в человека.

В руки превратились его ветви,
стало ртом
замшелое дупло,
листья, как слова,
зашелестели,
птичьи гнёзда
сделались глазами,
сердцем стал
неутомимый дятел.

Вырыло оно усердно ямку,
дровосека
в землю посадило —
кого прежде каждый день боялось.

Руки его
сделались ветвями,
рот дуплом замшелым обернулся,
листьями

слова зашелестели,
гнёздам уподобились глаза,
сердце стало
дятлом колотиться.

Сев в тени
былого дровосека
и к стволу уютно прижимаясь,
дерево подумало былое:

«Хорошо быть
добрым человеком
и в лесу деревьев не валить».

Во дворе в тёплой лужице
купается ласточка.

Жарко.

В тени сидит старик,
опершись подбородком о посох.

Грустно.

Кажется,
он вспомнил ту птичку,
которую убил в детстве.

В небе — сонмы звёзд,
бесчисленные птицы,
в небе сбывшиеся и несбывшиеся
бессчётные мечты,
облака, наполненные дождинками,
на земле — сколько травинок,
пылинок,
песчинок...

Но их давно пересчитали.

И луну давно взвесили,
измерили вдоль и поперёк —
конечно, чтобы продать.

Оказывается, плёнка мыльного пузыря
в 5 000 раз тоньше волоска,
в нервной системе человека
более 100 миллиардов нейронов,
а поперечник Вселенной
составляет 156 миллиардов световых лет...

Уже за край Вселенной
заглядывает человек, за край себя.

Всё взято на учёт:
даже думы, мечты, слёзы человека...

Лишь о его глупости я не говорю:
её измерить пока нет возможности —
да и вряд ли когда-нибудь будет.

Сколько детей умирает за год?
Сколько ещё умрёт?
И сколько копошатся в помойках?

Вдумайтесь: если за минуту на вооружение
в мире тратится 2 000 000 долларов,
то сколько жизней отнимается у детей?

Измерившие тяжесть дыма,
проникающие в сны птиц,
ответьте:
как измерить боль ребёнка?
А горе старой нищенки,
сидящей на голой земле с протянутой сухой рукой?
А горе бездомной собаки,
едва волочащей свою костлявую тень, как измерить?

Мы знаем детскую радость,
она равна объятьям матери,
охапке радуги над горами
и улыбке солнца и всех цветов на земле.

Ветерок, рождённый на рассвете
от росы и звёздного луча,
спрячься, не то и тебя поставят на учёт,
затаврят и тебя!

* * *

Жизнь – утоление вечной жажды.
Что будет, коль она пройдёт?
Все знают, что умрут однажды.
Никто не верит, что умрёт.

Под ручку с утром проходила мимо,
весенней свежей прелестью дразня.
Я вслед смотрел с тоскою пилигрима —
она и не взглянула на меня.

Смотрел я вслед, как первооткрыватель,
хоть знал её и видел много раз.
Что ж прежде не заметил ты, приятель,
улыбчивых, что ярче солнца, глаз?

Она мне отомстила, и за дело —
за то, что раньше разглядеть не смог...
И сердце, открываясь, закрипело,
как заржавевший за зиму замок.

ТЁПЛЫЙ ЛИВЕНЬ

Ты – в летнем лёгком платье.
Тёплый ливень
тебя обнял –
и ты, как фотоснимок,
вдруг стала
осторожно проявляться.

Соски твои
сначала проявились,
затем и сами груди,
что казались
любви и света лунного полны...

Пупок возник вдруг
тёмным углублением,
с ума меня сводя,
и – всё, что ниже...

Ты словно родилась,
как Афродита,
пришла на свет
из этой тёплой влаги,
но не морской,
а льющейся с небес.

Тогда ты обняла меня.
впервые.
Ведь только так
от глаз моих укрыться
могла ты –
от моих огнём горящих
и грешных глаз.

Объятье было робким
и нежным
дуновеньем ветерка.

В тот день
мы навсегда могли расстаться,
когда б не струи
ласкового ливня,
толкнувшего тебя
в мои объятья.

ТЫ ОБНАЖЁННОЙ СТРУЙ РОДНИКОВЫХ

1

Как ни старайся
платьем укрыться, –
обнажена ты,
словно росинка.

Взгляд обнажённый
напоминает
ливень, что хлынул,
спасши от зноя.

Обнажена ты
сердцем невинным –
так и сияет,
так и лучится
сквозь изумленье
глаз азиатских,
полных томленья,
медленной неги.

Голос твой тоже
наг, и он звонок,

как колокольчик
дочери неба –
звёздной шалуньи.

Каждое слово
робких признаний –
тоже нагое.

Ты обнажённой
струй родниковых!

Странник в лохмотьях,
вечно стремлюсь я
к струям приникнуть,
но – безуспешно...

Солнце и жажда.
Жажда и солнце.

2

Жажда отпустит,
если однажды
руку протянешь
ты обнажённо.

Впрочем,
грустна ты...
Грусть твоя тоже –
словно нагая
лунная осень.

Вся твоя сущность –
быть обнажённой.

Груди же, Боже! –
словно две птицы,
что упорхнули б,
если б кто вздумал
к ним прикоснуться
неосторожно...

Ты – словно утро.
Так ты хрустальна,
что я хотел бы
вместе с тобою
в дальние дали
по ветру мчаться,
чтобы оттуда
не возвратиться.

* * *

Лениво

с себя стягивает сон,
прекрасный сон,
что снился этой ночью,
задумчивая девушка.

Неспешно

она себя в заботы облачает,
из коих утро соткано и день.

Она глядит,

как будто бы впервые,
на то, как круты
собственные бёдра,
белы едва ль не до свеченья
руки,
как тонок и подвижен
гибкий стан.

Так налиты

её тугие груди,
как будто нежат
сильные их руки,
коснувшиеся женщины

впервые.
Она – в воспоминаньях
прошлой ночи,
пронизанной
любовной лихорадкой.

Лениво
с себя стягивая сон,
с улыбкой
надевает утро –
с солнцем,
с птиц неумолчным пеньем
и с желаньем,
что сбудется опять
и в эту ночь.

ПОСЛЕДНИЙ ДОЖДЬ

Последний дождь
в глазах струится наших.

В глазах друг друга
тонем мы в молчанье –
молчанье
содержательнее слов.

Последний дождь
струится перед нами,
Последний дождь,
последний, потому что
за мною ты,
вчера со школьной парты,
не поспеваешь,
как бы ни старалась,
а я не в силах больше
ждать тебя.

Последний дождь
нас в чём-то укоряет,
а мы молчим –
к словам его печальным
нам нечего добавить.
Мы – молчим.

И вдруг ты начинаешь
тихо плакать.
лицо в ладони спрятав.
Я растерян –
ведь это наш
последний в жизни дождь.

Внезапно
отрываешь ты ладони
от мокрого лица,
смеёшься звонко,
и улыбаюсь
я тебе в ответ.

Пока что
фонарей не зажигали,
по лужам там и сям
снуют машины,
мрак
световыми бивнями пронзая.

Как в первый раз,
тебя я обнимаю
и слышу шёпот
губ твоих солёных:
«Прощай,
ведь это наш последний дождь...»

«Прощай,
моя шалунья, – отвечаю. –
Да, этот дождь
у нас с тобой последний,
и он уже
закончится вот-вот...»

Ни блага не желай, ни зла –
ничем не победить остуду,
ничем не возратить тепла.
Сегодня я тебя забуду.

Права ты или не права,
уже не повториться чуду.
Твои медовые слова
я всё равно навек забуду.

Не надо, пальцы теребя,
меня разжалобить пытаться.
Пойми: забуду я тебя,
пойми: пришла пора расстаться.

Ни блага не желай, ни зла –
всё решено судьбою мудро.
Не возродить ничем тепла –
тебя забуду я... Наутро.

Дж. А.

Душа приемлет только тишину.
Я слушаю теперь её одну.
Дуб кажется похожим мне сейчас
на старика, творящего намаз.

Слова бессильны в этой тишине.
Язык дождя отныне ближе мне.
Не нужен ни вопрос и ни ответ:
в твоих глазах небесный виден свет.

Ну вот и новая зима!
Я без зимы сходил с ума,
я думал: может, ты сама
мне лишь приснилась?
Но – запорошены поля...
Вот ива, вся из хрусталя...
И снег идёт, опять суля
мне сделать милость!
Я помню: ты была легка,
как облачко... Издалека
приди скорей ко мне, пока
наш снег кружится.
Взгляни-ка: снова из-за туч,
как бабочка, трепещет луч!
Неужто наш потерян ключ?
Долой, граница!
Приди скорей издалека,
светла, как снег, как снег, мягка!
К тебе протянута рука,
но ты незрима.
Вот, вижу, девушка идёт,
похожа на тебя, да вот
беда: меня не узнаёт,
проходит мимо...

* * *

Вверх смотрю
и завидую птицам:
было время,
и я так легко,
без усилий
над миром парил.

Где и как потерял я
свободу?

* * *

В горы весна поднялась.
Сердце у родничка
бьётся от счастья сильнее.

В ущелье улицы зима и ночь —
и мёрзлый свет
слепого фонаря.
Обледенели ветви на деревьях,
звенят и режут
ветер на лохмотья.

А тот бушует, не жалея силы,
с тоскливым скрипом
скалы раздвигая.
И кажется,
что солнце никогда
в ущелье Журавлином не взойдёт,
что ветра древний плач
и есть моя
судьба на все оставшиеся годы.

Без света и тепла сию.
Огонь
не хочет разгораться в очаге.

Опять ошибся я,
и ничему
меня не научила жизнь доселе.

Я знаю, дорогая,
ты права.
Но прав и я.
И оба мы неправы.
Мы превратили ветер в ураган
и мёрзнем в темноте
по одиночке.

Скулит собака.
Светопреставленье
с тобою сотворили мы вдвоём.

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Я рыщу одиноким волком
среди лесов, распадков, гор,
высматривая хищным оком
себе добычу с давних пор.
Волк одинокий, не желаю
твоих касаться нежных губ –
ведь сам доподлинно я знаю,
как необуздан, грозен, груб.

Волк одинокий, жутко вою
по мрачным зимним вечерам.
Я сам тому не рад порою,
что псов тревожу по дворам.
Напуганы, как страшной сказкой,
скулят они, поджав хвосты...
Я не хочу своею лаской
навек твои спалить мечты!

Твой образ сердце рвёт на части,
жизнь в одиночестве – тюрьма...
Но если дам тебе я счастье,
оно сведёт тебя с ума.

Я – волк в любое из мгновений,
непостижим я и жесток.
Не от моих прикосновений
ты распахнёшься, как цветок.

Ты рождена морской волною
и горным ветром голубым.
Вовек не быть тебе со мною,
такие помыслы – что дым.
Я не хочу, чтоб на рассвете
запев любви твоей умолк.
Я на другой живу планете,
я – только одинокий волк...

В НОЧНОМ БАРЕ

В ночном опустевшем баре
сидела она с бокалом –
одна, ни с одним не в паре,
хотя от неё накалом
желанья, тоски и пыла
так веяло, что волнение
всего меня охватило...
Звучало чуть слышно пенье –
грустил Адамо жестоко...
И я пригласил на танец
её, отказала, только
так вежливо, что – растаешь!
Я долго стоял с ней рядом:
была она так прекрасна,
что не прикоснуться взглядом
к ней – значит, прожить напрасно.
Во мне вдруг проснулась дерзость,
ну как к ней не напроситься –
на чашечку кофе, дескать?
Сказала: «Прошу садиться».
Я молвил в ответ: «Спасибо».
Вздохнула она устало.
Была она так красива
и мысли мои читала.

Была, как мечта, прекрасна,
в глазах – ни вражды, ни яда.
Ей было, как видно, ясно,
чего мне сегодня надо.
Она говорила тихо,
взор изредка поднимая.
Наверно, хлебнула лиха
в разгаре шального мая.
«Пора», – вдруг она сказала
и к выходу устремилась.
Хромая, она шагала...
Калека? Скажи на милость!
У двери она, помедлив,
призывный мне взгляд метнула,
но, как бы и не заметив,
я так и не встал со стула.
А всё потому, что бармен
смотрел на меня с ухмылкой!
Да лучше б ему я вдарил
по наглым зубам бутылкой!
Сижу вот в своей квартире,
корплю над своим блокнотом.
Несчастней её нет в мире...
Каким я был идиотом!

* * *

В эту лунную ночь,
дорогая,
запах звёзд источаешь ты тонкий.
Свет,
идуший из пор твоей кожи,
мог родиться лишь в утренних росах.

Он так чист, что срок годности –
вечность.

А вот в душу к тебе проникает
он сквозь ясный твой взгляд –
и при этом
наполняется новью и силой,
свежий смысл он в тебе обретает.

Эта летняя ночь так прозрачна.

Как люблю я улавливать смыслы
в ветерке,
чуть колышущем шторы,
в одеяле,
нечаянно сползшем,
в наготе,

что сродни откровенью.
Это — словно ручей под луною.

Ты сквозь сон улыбаешься нежно —
так роса
на цветы выпадает,
так в морях
зреет медленно жемчуг,
так в душе зарождается
песня.

Как росинка в бутоне,
ты дремлешь.

* * *

Я флейту разломаю на куски...

Винаяк

Я свирель разломал –
ту, в которой
пела музыка звёзд и соцветий.
Ухожу я навек,
потому что
в этом мире убили любовь.

Этот мир
стал немым и холодным,
стал глухим он –
и серым –
и сирым,
как замёрзшее зимнее небо,
отражённое
в стылом пруду,
а игривые волны морские
превратились
в барханы пустыни.

Ухожу я.
Я здесь не останусь –

Эта жизнь тебе не враг:
если не подаст руки,
не сочти, что правит мрак, —
свет излечит от тоски.

Нас с тобой мудрее жизнь:
словно кровник, нам не мстит,
но от спеси воздержись —
лишь гордыни не простит.

Река в теснине яростно ревьёт,
сшибая валуны в потоках быстрых, —
одни пускают сероводород,
другие гулко лопаются в искрах.

Шальной реке подобны наши дни —
людей они сшибают буйным стадом.
Рождают искры яркие одни,
другие же исходят только смрадом.

ДРЕВО-ПАЛОМНИК

Платаном появился я на свет,
чтоб мог для гнёзд опорой служить,
в своей листве беречь птенцов от бед,
а из ветров верёвки вечно вить.

Я вырос под защитой храбрых скал,
не ведая, что сломан быть могу.
Зимою снега, летом ливней ждал —
и птичьих песен утром на лугу.

Я пил росу и солнца нежный луч,
и понял я не сразу, лишь теперь,
что даже камень, крепок и могуч,
не застрахован в жизни от потерь.

Я — дерево, познавшее беду,
я каждый вечер тень стелю ковром
молельным, чтоб живущий на бегу
не забывал, что всюду божий дом.

Сегодня путник спал в моей тени.
Он отдохнул и ветку отломал.
Так у людей ведется искони,
ведь я — всего лишь временный привал.

В пути далёком палка им нужна,
а я уж тем вознаграждён сполна,
что сотнями дорог бреду в пыли
на все четыре стороны земли.

СНЕГОПАД

Снег идёт, пушистый белый снег,
словно в небе облака линяют,
засыпая старую арбу.
Облепила поседела вдруг,
спрятала колючки, подобрела.

Ветер беспокойный будит иву.
Снег идёт, пушистый белый снег,
невзначай слепя глаза порою
жеребёнку, что бежит проворно
за саями, сиясь не отстать.

Как медвежьей шкурой принакрылись
мельница и копны у реки.
Снег идёт, пушистый белый снег.
Притворилась старым горцем печка,
дым пускает из трубы на крыше.

Едет на осле верхом старик.
Под периной пышной дремлют горы,
убаюканные колыбельной
тишиною, ветром принесённой.
Снег идёт, пушистый белый снег.

А скала застыла, как старик,
что в тиши свершает свой намаз,
вознося молитву к небесам,
чтобы мир на землю снизошёл
с белым, чистым, первозданным снегом.

Лишь тогда различаю я
ветер,
когда в пыль он себя облачает:
лишь тогда
я способен увидеть,
как бывает могуч он и грозен —
или ласков,
задумчив и робок,
осторожен,
как дикая кошка.

Я люблю,
когда он чуть приметно
в тихом озере
рябь поднимает —
и когда,
разухабист и буен,
вырывает зонты у прохожих,
распуская
нахальные руки.

И когда,
как на цыпочки ставши,
по лугам пробегает

альпийским —
и когда
с гиком-посвистом гонит
табуны одичалых дождей.

Очень хочется снова увидеть,
как с пожухлым листком
он играет
в кошки-мышки:
поймает-отпустит.

Интересно,
что чувствует ветер,
отпуская листок беззащитный,
чтобы позже
схватить его снова?

Ведь не может же он его
съесть?!

Всё возвращается, круг совершая.

День возвращается,
ветер и тучи.
Боль возвращается,
радость и горечь.
Смерть возвращается снова и снова:
и к колыбелям,
и к звёздам приходит.

Всё возвращается, круг совершая.

Круговорот всей Вселенною правит:
счастьем,
водой,
суховеями,
жаждой.
Жизнь в этот мир возвращается тоже:
и в колыбели,
и на поляны.

Всё возвращается, круг совершая.

Вот только время идёт по прямой.

* * *

Льются сверху
нити ручейков,
распускают
снежный свитер
на горе.

* * *

Эта осенняя ночь,
как гора, тяжела.
С крыши срываясь,
тяжёлые капли звенят,
молотом бьют
по наковальне земли.

ЗИМНИЙ ВИД

Голая яблоня заиндевела.

Ветки антеннам подобны:
они
слушают,
что говорят во Вселенной.

Не понимай они звёздных наречий,
разве смогли бы
опять расцвести?

* * *

На усталых дорогах —
калеки
в разлуке с мечтами.

На израненных улицах —
оголодавшие дети.

На печальных дворах —
старики
без надежды на помощь.

На сожжённых полях —
только женщины,
тоже бесплодны.

Над погасшим огнём —
казаны,
что давно опустели.

Год последний войны —
он грядёт
или он уже память?

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

...смерть сильнее стала.

Эрих Фрид

Мы детей не растим —
у деревьев листву отнимаем,
словно крылья у птиц.

И трава, и цветы
погибают от нашего яда —
дыма адовых труб.

Мы не каемся в зле.
Разномастные бомбы сильнее
тех, кто их изобрел.

Правит миром добро?
Нет, вражда, клевета и насилье —
вот наш триумвират.

Чтобы голод унять,
смерть, всего на земле ненасытней,
человечины ждёт.

А вот жажда её
морем крови и слёз утолима.
Морем крови и слёз!

Мир у края застыл.
Чтобы в бездну столкнуть, не хватает
лишь последней войны.

* * *

Просыпаясь, глядим не в окно —
на часы на стене.

Если б мы, просыпаясь,
глядели в окно,
то наш день
начинался бы солнцем —
не часами настенными,
ножницы стрелок которых
так усердно стучат,
отсекая
у мгновений живых
их прозрачные крылья.

НОЧНАЯ ПТИЦА

Ты у вечернего окна,
стоишь, залита лунным светом.
Ты так прекрасна и грустна,
что снова становлюсь поэтом.

И в водопад волос твоих
опять хочу лицом зарыться.

Но крик раздался.
И затих.

Зачем пугает нас двоих
какая-то ночная птица?

ТЫ ПОВЕЛЕЛА

«Останови!» —
так ты мне повелела,
и я остановил
взбешённый ветер.

«Вспять поверни!» —
так ты мне повелела,
и бурную я реку повернул.

«Схвати его!» —
так ты мне повелела,
и я за гриву пламя ухватил.

«Ну а теперь
сорви звезду мне с неба!» —
ты повелела,
и угас мой стих.

СТРОКИ-ОБЕРЕГИ

Венок стихотворений

I

Над баксанскими скалами рея,
над долиной Курму, Карала *
сыплет снег, усыпляя и грея,
и земля перевозданно бела.

Снег, идёшь ты откуда-то с выси,
ты так вольно и чисто летишь,
ты спокоен, как ясные мысли
старика, что пришел на ныгыш **.

Нас двоих осеняя собою,
что-то шепчешь ты там, в вышине...
Я сегодня люблюсь судьбою,
что любовь даровала и мне.

* Б а к с а н – ущелье в Балкарии, Курму – горная долина, Карала – северный склон над местностью Иткол.

** Н ы г ы ш – место сбора аксакалов, аульская площадь.

II

С той поры, как пути мы связали,
жизнь порой улыбалась и нам.
Не скажу, чтоб невзгод мы не знали:
мёд и горечь – всегда пополам.

Ну так что ж! Кто на этой дороге
не цеплялся за камень порой?
Как и всем, нам знакомы тревоги,
и грозила нам зависть пургой.

Были молоды мы, но стерпели
все удары судьбы непростой.
По-над пропастью шли мы и пели,
твёрдый взгляд отвечал на пустой!

III

Жизнь глядит на нас с тихою лаской
по достоинству – так ты нежна.
Звёзды с неба – исполненной сказкой –
для любимых срывали сполна.

Я же выбрал звезду, что сочилась
светом, словно водою – родник.
В ней твоя красота проявилась –
вот откуда твой свет к нам проник!

Я нарек её именем милым,
укрепляя бесспорную связь.
Будь подругой небесным светилам
ты, что там, в небесах, родилась!

IV

То в малине идём, то в крапиве,
а с пути не свернём все равно.
Если горе бушует в разливе,
остаётся терпенье одно.

Взгляд твой – счастье. Оно перевозданно:
всякий раз – словно снова познал.
Счастье – смех моего мальчугана
или грусть, коль игрушку сломал.

Год от года любовь к тебе крепнет:
получает, кто больше отдаст.
Время чувства ни в жизнь не истреплет,
что ценнее любых из богатств.

V

Мы пятнадцать вершин одолели,
не хвалясь: мол, не гаснет очаг!
Наши ангелы тоже при деле –
восседают у нас на плечах.

Слева – чёрный насупленный ангел,
справа – белый, пречистый сидит.
Белый ангел – о, как же он плакал
от тебе нанесённых обид!

Я и сам провалиться под землю
от стыда и от муки готов,
если вздоху тяжёлому внемлю,
где упрёк различим и без слов.

VI

Неужели дорогой окольной
предпочту я к тебе добрести,
поддаваясь опаске невольной
бури, ждущей на честном пути?

Нет! Отправлюсь дорогой прямою!
Пусть меня она плетью ожжёт –
совладать ли той буре со мною,
если знаю: любимая ждёт?!

Лик твой – свет для меня путеводный,
что мне ночи теснящая тьма?
Я с тобой и в неволе – свободный,
без тебя же и воля – тюрьма...

VII

Время, сводишь ли с нами ты счёты?
Под уклон уже гонишь: бегом!
Юность – золото... только его ты
разменяло висков серебром.

Но, хоть градом исхлёстан отменно,
не скажу: больше незачем жить.
Серебро, как мужчина, степенно,
что же золотом зря дорожить?

И Меджнун * не сравнится со мною –
так я сильно и нежно любил.

* Меджнун – «безумно влюблённый», герой поэмы Низами «Лейли и Меджнун».

Пусть простился давно я с весною,
но любви моей пыл не остыл!

VIII

Быть случалось во власти обмана,
я сбивался подчас с колеи,
взор мой застили струи тумана,
но – снимали оковы свои.

Ты у зеркала грустно застыла:
время, время! Обузы не снять.
Не смиряясь с несправедным «было»,
гребнем волосы чешешь опять.

Да, под старость, заботы итожа,
всяк грустит, быстротечность кляня...
На тебя наша дочка похожа,
ну а мальчики наши – в меня.

IX

Мы пятнадцать морей переплыли,
продолжаем свой путь и сейчас.
У иных мы безумцами слыли,
но другие приветили нас.

О поляна Азау! * Я не помню
дня, когда бы тебя позабыл.
Чёрной полночи, яркому полдню
не затмить тебя, прочный мой тыл.

* Азау – поляна, замыкающая Баксанское ущелье.

И таков же любви моей трепет –
ей владеть и служить мы вольны...
Больше солнца такого не встретить,
ни такой бесподобной луны!

Х

Мы огромные волны стерпели,
что вздымались и рушились вниз,
но душою мы не обмелели,
равнодушию не поддались.

Достоянье моё – твои руки,
ничего драгоценнее нет.
Лишь они избавляют от муки
и спасают от тысячи бед.

И сегодня, считаю, уместно
благодарность воздать без затей
им, месящим без устали тесто,
им, кладущим в кровати детей!

ХІ

Нынче брови насупили горы –
брови-тучи, что сажи черней.
Льётся дождь на родные просторы,
и они с каждым часом родней.

Я люблюсь дождём, и ты тоже
полюбила его с неких пор.
На него твои пряди похожи,
хоть явился он к нам из-за гор.

Пробирался он к скалам Баксана
по-над кручами, там, в вышине,
и теперь подаёт неустанно
весть о скорой и спорой весне.

ХII

На оттаявшем солнечном склоне
самый первый подснежник расцвёл.
Утомленные, как от погони,
журавли возвратились в Терскол *.

А я снова подумал о том, как
год за годом, негаданно, вдруг
исчезают в тягучих потёмках –
журавлями, что рвутся на юг!

Да, не будешь трубить ты победно
в спину году, летящему прочь.
Да, они исчезают бесследно...
Но – взгляни на подростую дочь!

ХIII

Вся долина – сплошное цветенье.
Над Курму разливается свет...
Словно оберег, стихотворенье
я дарю тебе ныне – от бед!

Я искал тебя долго по свету.
«Где, – гадал я, – в какой из сторон?..»

* Терскол – поселок у подножья Эльбруса.

Но пришла ты, опутала сетью –
и я словно бы снова рождён!

Признаюсь в своём счастье прилюдно
и по праву могу повторять:
в этом мире любовь найти трудно,
но труднее – найдя, не терять!..

XIV

Водопады волос твоих – чудо!
Ранит сердце твой солнечный лик...
Гошаях *! Но скажи мне, откуда
в этот стих Чёрный камень ** проник?

Из веками сокрытого века
долетел до нас грустный упрёк:
«Нет несчастней того человека,
кто любви своей не уберёт».

Каншаубий * мой в далёкие страны
ускакал – я невзвидела дня.
Мои слёзы и камню, что раны,
а душа не покинет меня...»

XV

Из пятнадцати стихотворений
я дарю тебе ныне венок.

* Гошаях, Каншаубий – персонажи карачаево-балкарской народной поэмы.

** Чёрный камень – камень, который Гошаях по преданию расколола своим плачем по возлюбленному.

Счастлив я, что таинственный гений
повстречаться с тобою помог.

Как бы дальше судьба ни сложилась,
для меня несомненно одно:
та любовь, что во мне зародилась,
и в столетях не канет на дно.

Пусть успею сгореть и истлеть я,
но любовь не уйдёт на погост –
будет жить она тысячелетья,
словно свет давно умерших звёзд.

МОЛЬБА

Земля родная, дай родиться снова.
Наладиться
никак не может жизнь —
и я её
хочу начать с начала.

Земля родная, не сочти за труд,
исполни мою просьбу,
умоляю.
Ведь это для тебя такая мелочь:
дай мне родиться снова,
чтоб грехи
не жгли мне сердце, не давили душу.

Земля родная, дай родиться снова
в мгновения июльского рассвета,
чтоб чище даже утренней росы
и помыслы,
и слёзы мои были.

Под пенье птиц дай мне родиться снова,
чтоб в лабиринтах сердца
не осталось
ни закоулка, где клубится мрак.

Земля родная, дай родиться снова:
сил полон,
необъезженные ветры
смогу я обуздать,
смеясь над бурей,
и, Божий меч* воздев над головою,
любой невзгоде прегражу дорогу.

Земля родная, дай родиться снова
раз непутёвым сыном
оказался.
Наладиться никак не может жизнь —
и я её хочу начать с начала.

* Тейри кылыч — радуга (балк, букв. Божий меч).

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Когда тьма, а особо – в горах,
так густеет, что можно потрогать,
одолеет и смелого страх,
прямо в сердце вонзая свой коготь.

Бросишь взгляд в омертвелый зенит –
тут же станет тебе не до шуток.
Тишина, как железо, звенит –
в марте холод особенно жуток.

Но как чуден желанный рассвет,
как волшебно рождение красок!
И весны удивительней нет,
мир не знает прекраснее сказок.

Все мы гусениц гадких клянём,
даже рады, чтоб птицы склевали,
ну а бабочка вспыхнет огнём –
восхищение сдержим едва ли.

Тьма заветное чудо таит,
но, отбросив смятение и робость,
на уступе берёзка стоит:
шаг ступить – неминуема пропасть.

Зыбкость паузы сводит с ума –
так томит предвкушение ответа.
Предрассветная вязкая тьма,
дай берёзке дожждаться рассвета!

* * *

Посеешь детский смех —
и радуга взойдёт.
Посеешь детский плач —
взойдут колючки злые.
А где-то кровь детей
злодеи снова льют —
расстреливают дождь
и радугу в упор.

31 ДЕКАБРЯ

Ты так нарядна,
хвойная подруга,
что и принцесс
затмить способна ныне.
В восторге все —
настолько ты прекрасна.

Но только завтра,
ёлка, это платье
с тебя сорвут,
ничуть не дрогнув, те же,
кто восхищён красой твоей,
а позже,
как нищенку,
тебя прогонят взашей
из дома прочь,
за угол — и подальше.

Пуškai тогда
тебя хоть чуть утешат
мои тебе сочувственные строки,
стихотворенье бедное,
которым
лишь только и могу тебе помочь.

* * *

Яблоня так пышно расцвела!

Ветерок
в зелёной глубине
свил гнездо,
и вместо яблок птицы,
видимо,
созреют в этот год.

Шёл и мечтал упасть и умереть,
сложить на веки
груз тяжёлых крыльев,
когда-то полных мощи и желаний
огромных
героических свершений;

хотел,
чтобы к нему слетелись грифы
и обглодали тело до костей,
хотя не ведал,
есть ли в теле кости.

Но не было ни грифов,
ни ворон,
ни облачка,
ни тучки в мёртвом небе,
а на земле — ни тени,
ни травинки,
ни муравья,
ни блошки,
ни жучка.

Вокруг —
домов бетонные скелеты,
останки заржавелые машин
да хищная
пустая тишина.

В лучах испепеляющего солнца
земля была простёрта,
словно жертва
насилия.
Она была мертва.

* * *

Родители мои, как все балкарцы,
подверглись
депортации безвинно:
их с высочайших гор Кавказа
разом
в пустынные изгнать посмели степи,
где и родился я –
считай, в неволе.

Никто рожденья даты не запомнил:
родителям до этого ли было,
вседневыми трудами
изнурённым,
измученным бичами издевательств?

Мать говорит, что я родился в пору,
когда сажали сахарную свёклу.
Мне пуповину резала
Чыныу,
недавно умершая повитуха,
чья долгая и тягостная жизнь
всё ж не дала
дождаться мужа с фронта.

С тех самых пор меня передаёт
ночь дню, а день –
опять вручает ночи,
всё происходит как по расписанию,
под пенье петухов и под охраной
суровых стражей,
чёрных или белых,
я чувствую себя как заключённый
в наручниках
и кандалах ножных,
и о побеге речи быть не может.

Так продолжается и по сегодня:
ночь дню меня передаёт,
а день
меня поспешно ночи возвращает.
Куда ж попасть из ночи,
как не в день!
Ну, разве лишь в объятья
вечной ночи...

Вот так я и живу, как и родился, –
в неволе,
 в заточенье,
 под надзором.

Но всё-таки лелею я надежду,
что где-то существует
вечный день
(а почему не может день быть вечным,
коль достоверна
сущность вечной ночи?)
и я туда
 когда-нибудь проникну.

СОДЕРЖАНИЕ

На вершине вавилонской башни (Горизонты Мурадина Ольмезова)	5
Земное и небесное	6
Поиски себя	8
Космогония	10
Преодоление	10
«Тайна времени в камне сокрыта...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	13
Что там? <i>Перевод Г. Яропольского</i>	14
«Как сердце ночи, светится луна...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	16
«Остановился б вовремя, художник...» <i>Перевод Г. Ярополь- ского</i>	17
Потери и обретения. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	19
Скалолаз. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	20
«Дождь оставил прозрачную лужу...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	21
Гнев. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	22
«Сегодня мне...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	23
Зависть. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	24
Ушедший в небо. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	25
День звезды. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	27
Тропинка на небо. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	28
Сон. <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	30
Зеркало. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	31
«С рождения...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	32
«Красавица знакомая все чаще...» <i>Перевод Г. Яропольского</i> ...	33
«Как облако в дождь превратится...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	35
«На ладонь ко мне птица спустилась...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	36
Ветер. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	37
Свобода. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	38
«На берегу – потаённое место...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	39
«В крошечной тьме, безбрежной тьме...» <i>Перевод Г. Ярополь- ского</i>	40

«И падал снег...» <i>Перевод Н. Старшинова</i>	41
«Бродя вдоль берега реки...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	42
«Лишь в будущем и настоящем...» <i>Перевод Г. Яропольского</i> ...	44
«Дождь проходит торопливый...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	46
Слова на ветер. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	48
Отмщение. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	50
Умирающий дом. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	52
«Как-то раз ты явилась ко мне...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	54
«Ожидая тебя, я устал...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	56
«Это вовсе не стихотворенье...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	58
«И луна запуталась в паутине...» <i>Перевод Х. Батырбекова</i>	60
«О печали своей рассказал я скале...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	61
Песня девушки. <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	62
«Бесстыжей белокожею княжною...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	63
«Весны теперь нам долго не дожждаться...» <i>Перевод Н. Нови-</i> <i>кова</i>	64
«Осенний дождь...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	65
«Похожесть явственной в разлуке...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	66
«Кто без греха жить на земле...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	67
Тяжкая ноша. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	68
Немая девочка. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	69
Цветы. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	70
«Прозрачно утро...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	72
«Суровые снежные скалы...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	73
«Так тяжела...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	74
Слеза. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	75
«Весь мир засыпает...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	76
Святой. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	77
«Река, остав всё течь да течь...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	79
Война. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	80
«Камень птицей хотел бы родиться...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	81
«В эту лунную ночь...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	82
Ветвь над обрывом. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	83
«Свесив ноги, сидит над обрывом...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	84
«Настенные часы, как будто мышцы...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	86
«Дождь снова над городом льётся...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	87
Дерево над кручей. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	89
«Как грецкий орех, эту ночь...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	90

«Время дни превращает в муку...» Перевод Г. Яропольского ...	92
Утро в горах. Перевод Г. Яропольского	93
Встреча. Перевод Г. Яропольского	94
«Пока ждём, чтоб весна наступила...» Перевод Г. Яропольского	95
«Всю эту ночь я выводил деревья...» Перевод Г. Яропольского	96
Верните! Перевод Г. Яропольского	98
Тишина. Перевод Г. Яропольского	99
«Нарушили строгий завет...» Перевод Г. Яропольского	101
Вечер. Перевод Г. Яропольского	102
«Разве время идёт?...» Перевод Г. Яропольского	103
Диалог об одиночестве. Перевод Г. Яропольского	105
«Я – сеятель! Взошедшая луна...» Перевод Г. Яропольского ...	106
«Когда я мальчуганом был...» Перевод Г. Яропольского	107
«Снежинка, на землю упав...» Перевод Г. Яропольского	109
«Словами можно отодвинуть мрак...» Перевод Г. Яропольского	110
«Как давно стрекозы я не видел...» Перевод Г. Яропольского ...	111
«Чья ты улыбка, цветок...» Перевод Г. Яропольского	112
«Ветерок, себе свивши гнездо...» Перевод Г. Яропольского ...	113
«Лужа у дороги высыхает...» Перевод Г. Яропольского	114
«Тень, словно чёрный пёс...» Перевод Г. Яропольского	115
Бабочка. Перевод Г. Яропольского	116
«Лей, дождик, лей...» Перевод автора	118
«Поздняя осень...» Перевод автора	119
«Я встречаю рассвет на лугу...» Перевод П. Родичева	120
Веселый дождь. Перевод Г. Яропольского	121
Каменоломня. Перевод Н. Новикова	122
«Закрыв ненадолго солнечный лик...» Перевод Н. Новикова ...	123
«На пути, что не окинешь взглядом...» Перевод Н. Новикова	124
«Пишу стихи. А из гнезда...» Перевод Н. Новикова	125
Хатынь. Перевод Н. Новикова	126
Жалоба ветра. Перевод Н. Новикова	128
«Дивись – цветку, утёсу...» Перевод Г. Яропольского	130
«Я описал, как солнце всходит рано...» Перевод Н. Новикова	131
Песня детства. Перевод В. Заливочкина	133
«Рассыпав звёзды молодые...» Перевод Н. Новикова	134
«Зной дышит в ущелье, где воздух, как порох...» Перевод Н. Новикова	135
«Как мальчик, летний дождь скакал...» Перевод А. Королькова	136

«Когда украдкой, словно воры...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	137
Сказка для взрослых. <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	138
«Однажды вечером моё детство...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	139
Прохладный вечер. <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	140
«Ты грустишь, что детство не вернётся...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	141
«Скопилась утром в паутине капля...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	142
«Свет погасив, ничего не увидишь...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	144
«Осеннее утро...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	146
«Жизнь и смерть – это сёстры-двойняшки...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	147
«Ветер меня забывает...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	148
«Я огонь расслоил на две части...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	149
«Деревья вспыхнули, погасли...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	150
«Ото всего чего-нибудь хотим...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	151
«Родник птенцом орлиным...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	152
«Опустилась бабочка на камень...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	153
Отражение. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	154
«Весною ночь звёздами пахнет...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	155
«Нагое море, разбежавшись...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	157
«Я обидел тебя...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	159
Своя работа. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	162
«Чем была раньше звезда...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	164
Невозможное. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	165
Дровосек. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	166
«Во дворе в тёплой лужице...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	168
Тавро. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	169
«Жизнь – утоление вечной жажды...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	171
«Под ручку с утром проходила...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	172
Тёплый ливень. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	173
«Не одни только крылья у ветра...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	175
Ты обнажённой струй родниковых. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	176
«Лениво с себя стягивает сон...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	179
Последний дождь. <i>Перевод Г. Яропольского</i>	181
«Ни блага не желай, ни зла...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	183
«Душа приемлет только тишину...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	184
«Ну вот и новая зима...» <i>Перевод Г. Яропольского</i>	185
«Вверх смотрю...» <i>Перевод Л. Мурашовой</i>	186

«В горы весна поднялась...» Перевод Л. Мурашовой	186
«В ущелье улицы зима и ночь...» Перевод Л. Мурашовой	187
Одинокый волк. Перевод Г. Яропольского	189
В ночном баре. Перевод Г. Яропольского	191
«В эту лунную ночь, дорогая...» Перевод Г. Яропольского	193
«Я свирель разломал...» Перевод Г. Яропольского	195
«Эта жизнь тебе не враг...» Перевод Г. Яропольского	197
«Река в теснине яростно ревет...» Перевод Г. Яропольского	198
Древо-паломник. Перевод Л. Мурашовой	199
Снегопад. Перевод Л. Мурашовой	201
«Лишь тогда различаю я ветер...» Перевод Г. Яропольского	203
«Всё возвращается, круг совершая...» Перевод Г. Яропольского	205
«Льются сверху...» Перевод Л. Мурашовой	206
«Эта осенняя ночь...» Перевод Л. Мурашовой	206
Зимний вид. Перевод Г. Яропольского	207
«На усталых дорогах калеки...» Перевод Г. Яропольского	208
Последняя война. Перевод Г. Яропольского	209
«Просыпаясь, глядим не в окно...» Перевод Г. Яропольского	211
Ночная птица. Перевод Л. Мурашовой	212
Ты повелела. Перевод Г. Яропольского	213
Строки-обереги. Перевод Г. Яропольского	214
Мольба. Перевод Г. Яропольского	223
Перед рассветом. Перевод Г. Яропольского	225
«Посеешь детский смех...» Перевод Г. Яропольского	227
31 декабря. Перевод Г. Яропольского	228
«Яблоня так быстро расцвела...» Перевод Г. Яропольского	229
«Усталый ветер шёл который год...» Перевод Г. Яропольского	230
«Родители мои, как все балкарцы...» Перевод Г. Яропольского	232

Литературно-художественное издание

Ольмезов Мурадин Муссаевич

КАМНИ И ПТИЦЫ

Редактор *Л. В. Мурашова*
Корректор *Т. М. Ачабаева*
Художник *А. М. Иевлев*
Компьютерная вёрстка *О. Ф. Малюги*

Подписано в печать 29.08. 2014. Формат 70×108^{1/2}.
Печать офсетная. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 10,5. Тираж 300 экз. Заказ № 562

ООО «Печатный двор»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Калюжного, 1
Тел./факс 8(8662) 74-11-33
e-mail: printhouse07@gmail.com